

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ – ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ – ВETERАНЫ ВОЙНЫ

**Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
107 чучхе (2018)**

Предисловие

25 июня 1950 г. американские агрессоры, развязав войну против КНДР, вместе со своими сателлитами подняли на ноги крупные контингенты сухопутных войск, ВМС и ВВС, чтобы задушить в колыбели молодую Республику, которой не было и 5 лет после освобождения от японской военной оккупации.

Великий Ким Ир Сен в своем обращении по радио **«Все силы на победу в войне»** призвал всю армию, весь народ на священную войну за разгром агрессоров.

Повсеместно в стране рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, учащаяся молодежь, заменив молот, серп и перо ружьем, ушли на фронт в защиту гнезда счастья в жизни.

Доблестные бойцы Корейской Народной Армии через три дня после начала войны освободили Сеул – цитадель противника и лавиной двинулись на юг.

В бою за освобождение Тэчжона была окружена и разгромлена американская 24-я дивизия, был взят в плен командир Дин, а в морском бою перед Чумунчжином потоплен американский тяжелый крейсер под ударами четырех торпедных катеров КНА. Под метким огнем народноармей-

ских групп стрелков-охотников за вражескими самолетами повсеместно на фронте и тылу падали на землю, словно листья при осенних ветрах, американские стервятники.

Народноармейцы были глубоко убеждены в том, что великий Ким Ир Сен, непобедимый стальной Полководец, непременно приведет к победе в войне. И они сумели выдержать суровые испытания в период временного стратегического отступления, на высотах, охваченных пламенем, храбро сражались, как фениксы, нанеся врагам смерть.

Трехлетняя война увенчалась великой победой корейского народа, которая развеяла в пух и прах миф о «всемогуществе» империалистов США.

Кларк, главнокомандующий «войсками ООН», подписавший Соглашение о перемирии в Корее, признав поражение США, заявил: «Я первый в истории США командующий, который подписал соглашение о перемирии без победы».

С той поры, когда гремел победный салют на корейской земле, текло много воды. Шли годы. Теперь поселили и те молодые храбрецы Народной Армии, которые, развеявая высоко над головой обагренный кровью флаг Республики, во весь голос кричали «Ура!» в честь Победы.

Ветераны войны, победители, мужественные борцы за защиту Отчизны от захватчиков, теперь рисуя перед собой те окопы и траншеи, которые были окутаны в военные дни

дымом огня, с волнующим сердцем, с гордостью и достоинством вспоминают далеко ушедшие дни.

Живая память рассказывает, в чем исток несокрушимой веры в победу, высокой массовой героики и негибаемого боевого духа народноармейцев, проявленных ими в те огненные дни.

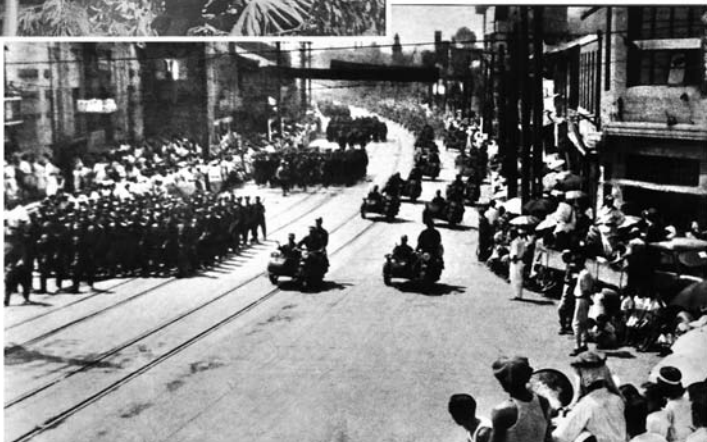
Империалисты США развязали агрессивную войну в Корее.

КНА сразу перешла на контрнаступление.

Уже через три дня
после начала войны
КНА освободила Сеул.

К Тэчжону! К Пусану!

На освобожденном
Тэчжоне.

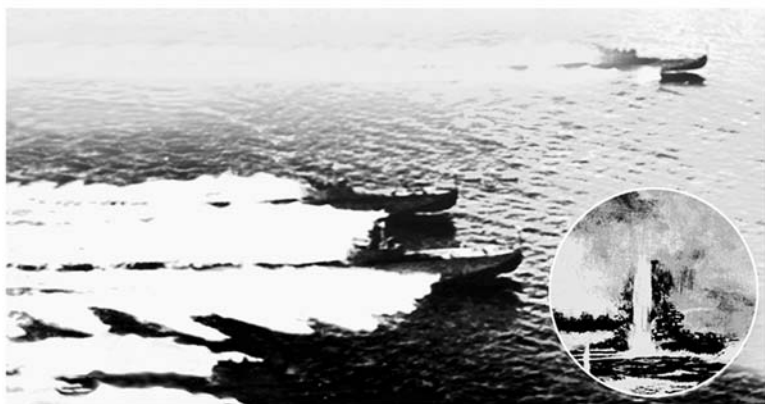
Чтобы уничтожить
вражеский танк.

Во время войны были сбиты,
повреждены свыше 12 200
американских самолетов.

Артиллеристы КНА.

Моряки КНА на четырех торпедных катерах потопили американский тяжелый крейсер.

Авиация КНА перед боевым вылетом.

Атака на высоту 351.

Ценою крови защищают
высоту Родины.

Веселые минуты фронтовиков.

Гибель агрессоров.

Церемония подписания Соглашения о перемирии.

КНА победила в трехлетней войне.

СОДЕРЖАНИЕ

Малая война накануне большой.....	1
Первая медаль «За боевые заслуги»	6
Победа боя на рубеже Осана.....	11
На рубеже жизни и смерти.....	15
Солдатские ремни	20
Жди нас, гора Пхальгон!	26
Оставаясь в одиночку на высоте	31
Незабываемый образ.....	39
Храбрецы 105-й танковой дивизии	43
Непревзойденные методы партизанского боя.....	49
Иньекция «Мапхальсан»	54
Провода связи противника – для нас	59
По горному перевалу Чхор	62
«Ни одного вражеского самолета не упустить!».....	70
Железная нога	74
Удачная контратака.....	79
Боевая позиция для разведчиков	82

Внимание вражеской авиации привлечь ко мне!	85
Орудийный грохот на горе Кари.....	90
«Радиоснаряды»	94
Мои фронтовые музыкальные инструменты.....	97

Малая война накануне большой

Как и все войны на нашей планете, минувшая Отечественная освободительная война вспыхнула отнюдь не внезапно, не в один прекрасный день.

Американская военщина, оккупировавшая Южную Корею после освобождения Кореи (15 августа 1945 г.), для реализации своего гнусного замысла о захвате всей территории Кореи, создала местную марионеточную армию и, вооружив ее оружием американского образца, раскручивали маховик военных приготовлений.

И с 1947 г. вблизи от линии 38-й параллели непрерывно проходили вооруженные вторжения противника на Север. В том году подобные инциденты совершались сотни раз в масштабе отделения, взвода и роты, а затем постепенно расширялись эти провокации. В 1949 г., когда план «похода на Север» вступил в стадию реализации, провокации врага проводились более 2600 раз во всей зоне вдоль линии 38-й параллели, и то в масштабе полка и дивизии. Все военные действия марионеточной армии Южной Кореи в этой зоне были запланированы и совершены под дирижированием главы американской военной миссии Робертса и тому подобных типов. Провокациями командовали американские военные советники, находившиеся во всех частях и подразделениях марионеточной

армии вплоть до штабов полков и батальонов.

Я, командир роты в бригаде, выполнявшей в 1949 г. задание по обороне западного побережья, стал непосредственным очевидцем открытых вооруженных вторжений американских войск и южнокорейской марионеточной армии.

При каждом вооруженном вторжении противника наши бойцы в районе у линии 38-й параллели наносили ему ощутимый удар. Одним из боев тех дней, думаю, был и бой нашей роты на острове Вольнэ.

В предвоенные дни этот небольшой островок, что вблизи от Рёнёнского полуострова на Корейском Западном море, оставался почти необитаемым. Однако неприятель, используя этот островок в качестве аванпоста, все учащал налеты на наше морское побережье.

В конце 1949 г. нашей роте было дано задание – занять этот островок и соорудить там оборонительные позиции. Все бойцы моей роты, очень обрадовались: «Наконец-то, пора бить врагов!» Да и это было понятно: они, воочию видя частые вооруженные вторжения неприятеля на наше морское побережье, горели чувством мести.

Бойцы роты в полной боевой готовности под покровом ночной тьмы скрытно приблизились к островку на нескольких деревянных судах. Но, как ни странно, на острове было так тихо, что будто все замерло, все погрузилось в глубокий сон.

К рассвету нам удалось высадиться на островок с 1-м взводом впереди. Но там ни одного противника не было видно. По словам пожилых супругов, единственных обитателей островка, вояки марионеточной армии вчера вечером в пожарном порядке покинули островок, видимо, почуяв что-то неладное.

После внимательного осмотра рельефа местности и ее предметов я отдал приказ: немедленно соорудить траншеи и ход сообщения, подготовиться к обороне. В те дни нам поставляли продукты питания и другие хозяйственные материалы в достаточной мере — рядом всегда лежали целые ящики с яблоками и грушами, и когда нам было жарко на земляных работах, вместо воды лакомились фруктами.

Так ведя полную подготовку к оборонительному бою, мы интенсивно проводили и боевую подготовку. Не раз проходили бои малого масштаба за пресечение небольших вооруженных вторжений и шпионажа противника.

Прошло несколько месяцев. Наконец, завязался крупный бой за отражение вражеского вторжения на этот островок. Через немного времени после обеда появились поблизости от островка два моторных судна, что чуть больше рыболовных. Это были вражеские суда противника. Они, казалось бы, вели наблюдение за обстановкой на островке, осторожно вращаясь вокруг него, затем сразу повернули нос к своему лагерю.

Я сделал вывод: противник разведаль островок, он скоро начнет налет. Как и ожидалось, в вечерние сумерки появились на море у островка вражеские суда.

Я вижу в бинокль: те же два моторных судна, которые явились несколько часов назад. На буксире – десятки больших и малых лодок, которые, постепенно набирая скорость, приближались к островку. На моторках и лодках, на мой взгляд, вражеских солдат было немногим более ста. По моему суждению, это была одна усиленная рота противника. Я приказал бойцам, находившимся уже в полной боевой готовности: ни в коем случае первыми не открыть огонь, только по моему приказу начать стрельбу.

Мой расчет был таков: хотя противник по численности превосходит нас, но обстановка-то благоприятна для нашей роты, занявшей надежные оборонительные позиции. И я решил не дать ни одному молодчику возвратиться к себе живым.

В обороне острова или суши, прилегающей к морю, обычно принято по возможности уничтожить главные силы противника еще до высадки на сушу. Но я решил разбить всех врагов после высадки их на островок.

С приближением к островку противник отрезал топорами канаты, соединившие суда, а затем, широко развернувшись, почти одновременно причалили к берегу различные суда.

Мельком виднелись через бинокль враги, спешно спрыгивающие с судна. Виднелся и какой-то офицер, который приказывает что-то своим подчиненным. Бросался в глаза и вражеский солдат, падающий задом на скольскую береговую скалу при спешном прыжке с лодки.

Противник тут же, построившись в боевой порядок, начал взбираться на высоту острова. На высоте было тихо, не было с ней никакой реакции, – и противник, видимо, думал: либо народноармейцы уже ушли, либо осталось там их очень мало, так что они не смеют сопротивляться. И враги с приподнятым настроением уверенно поднимались на высоту.

Я оглянулся на боевых друзей, которые скрылись в глубине позиции, заставив дыхание. Среди них были и новички, не получившие до того боевое крещение. У меня в голове мелькнула мысль: «Во что бы то ни стало этот бой надо закончить с успехом и для тех неопытных бойцов».

Теперь хорошо видны и невооруженными глазами враги – они, приблизившись до 30 с лишним метров от нас, медленно и лениво поднимались на высоту. Я решил: достаточно дальность гранатометания, и дал роте приказ «Огонь!» своей меткой стрельбой по сутуловатому офицеру, приближающемуся посреди боевого порядка атаки.

От яростного огня и гранатометания враги растерялись и метались, не зная что делать. Но удирающего врага не

оказалось. Противник, опираясь на местный рельеф и предметы, начал открывать ответный огонь.

Я приказал бойцам: эффективно используй гранаты, уничтожай врагов за большими скалами и стволами деревьев.

Наш шквальный огонь и град гранат скосили противника, как камыши. И те последние солдаты противника, открывавшие ответный огонь из-за большого плоского валуна, были вынуждены сдаться с поднятыми руками. Когда я метал к ним три граната подряд, они, видимо, от этого свихнулись.

Бой закончился нашей победой через немногим более 30 минут. Кроме пятерых пленных, были убиты все – более ста вражеских солдат, высадившихся на сушу островка. Этот незабываемый бой придал бойцам нашей роты отвагу и веру: будешь драться с врагом – непременно победишь. Бой, думаю, нанес ощутимый удар противнику, бешено прибегавшему к попыткам развязать войну.

Противник был так жутко бит в том бою, что после этого даже не смел и явиться у этого островка.

Ветеран войны Пак Мён Сон

Первая медаль «За боевые заслуги»

Шли июльские дни 1950 г. Народноармейские соединения среднего участка фронта с жаркими боями расширя-

ли успехи атаки, уничтожая противника, обороняющегося на рубежах отрогов Собэксанского горного хребта.

Тот участок фронта был благоприятен для обороняющегося противника, а для соединений Народной Армии весьма неблагоприятен в маневрировании. Несмотря на это, народноармейские части, подавляя каждое отчаянное сопротивление противника, продолжали продвижение вперед на юг.

Я получил от дивизии приказ: «На реке Хан устроить переправу, обеспечить перевозку личного состава и боеприпасов на фронт!» Мы вместе с пятерыми бойцами тут же отправились к месту назначения. Путь был далек и крут. Но непрекращающийся орудийный гул все ускорял наши шаги. Нам казалось, будто слышатся голоса боевых друзей: «Дай скорее патроны!» И вот мы, наконец, добрались до берега реки. Я разделил бойцов на две группы и дал каждой задание: первой – определить пункт переправы, второй – срубить лес для вязки плотов.

У нас были только одни ружья да вещмешки. Вокруг виднелось несколько домиков. Нам удалось взять у жителя топор, и то не без труда. Мы не успели в верховьях реки подготовить переправу и связать плоты, как прибыли наши грузовики, нагруженные снарядами. Раздался торопливый свисток, то и дело поднимался и спускался сигнальный флажок.

В минуты, когда вошла на речную переправу последняя машина, вдруг, откуда ни возьмись, появились из-за зарослей вражеские солдаты. Их, по-видимому, было примерно десять и больше. Видать, это остатки недобитого противника. Я вместе с тремя бойцами побежал навстречу противнику. Завязалась жаркая перестрелка. Уничтожить врагов, скрывшихся в лесу, было нелегко. Я крикнул бойцам, беспорядочно открывающим автоматный огонь:

– Беречь патроны! Открыть огонь прицельный!

Выстрелы постепенно утихали. Но наши зоркие ока все следили за лесом. Тут один вражеский солдат вытянул из-за зарослей верхнюю половину тела. Я немедленно нажал на спусковой крючок – и тот упал наземь, как скошенный. А тут беда: граната, брошенная им, уже висела в воздухе, а через секундочку упала под кузов грузовика со снарядами.

– Скорее гранату убрать... – но голос мой был так сильно охрип, да и из-за зарослей снова раздались выстрелы, и никто из нас не мог услышать мои слова.

Критический момент! В моих ушах, казалось бы, слышится стук детонатора гранаты. В тот миг, к счастью, откуда ни возьмись, появился там совсем юный солдат – тот, кто, стоя впереди на переправе, махал сигнальным флажком. Солдат ни с того ни с сего схватил смертоносный металл. Я незаметно для себя закрыл глаза. Снова открываю глаза – взорвалась граната.

– Товарищ Кан!

Через секунды тот молодой солдат открыл глаза. Медленно двигались у него губы.

– Товарищи!.. патроны... на фронт...

Солдат был ростом с винтовку – это всегда ему мешало. Когда бывает свободное время, он обращался ко мне с просьбой: «Прошу послать меня на фронт! Знаете, почему я, увеличив свой возраст на два года, вступил в армию? Не для того, чтобы ухаживать за лошадью и ходить связным».

Вот такой солдат-«мальчик» ценой своей жизни спас наш грузовик со снарядами, идущий на фронт. Им, наверное, овладела мысль: «Эти снаряды, спасенные мною, наши боевые друзья, фронтовики, обрушат на голову противника, сторицею отомстят врагу за меня, за родителей, за братьев и сестер!»

Героическая смерть солдата еще раз убедила нас, защитников переправы, в том, что и здесь развернет фронт.

Со следующего дня бой на переправе стал все жарче – небо покрыли вражеские стервятники. В мгновение ока взлетели на воздух построенные нами с величайшим трудом переправа, бомбоубежище и плотовой мост.

Но мы не пали духом. Мы снова упорно взялись за сооружение переправы из вырытой со речного дна земли, за ремонт бомбоубежища и вязку плотов.

Однажды, когда мы вместе с бойцами приводили в по-

рядок переправу, было обнаружено три неразорвавшиеся бомбы. Немедленно приступили мы к обезвреживанию. Я весь был в поте. В сию же минуту могли бы прибыть еще новые грузовики со снарядами. Все торопились с делом: «Живо! Скорее!»

Наконец-то, благополучно обезврежены два неразорвавшиеся смертоносные бомбы. Осталась еще одна! Когда я собирался было зацепить канат за хвост зарытой бомбы, рядом раздался оглушительный взрыв – заработала неразорвавшаяся бомба, которую до того нам не удалось найти. Меня бросила на воздух волна взрыва...

Я открыл глаза. Вижу: перед мною – один солдат, который со слезами смотрит на меня. Я спрашиваю: «Как с делом обезвреживания?» В ответ: «Сейчас идет работа. Полным ходом».

Я хотел было подняться, но не мог. Солдат крепко взял меня. Я говорю:

– Время не терпит. Не сделаем мы свое дело – наши товарищи будут в опасности. Снаряды – на фронт, понял?

Я шел враскачку и бросился в реку продолжать работу...

Так мы боролись на реке Хан всего лишь несколько суток, но сколько грузовиков мы переправляли на фронт, просто не счесть.

Позже мы с новым заданием покинули переправу. И в

этот раз нас ждало, конечно, место боя, далекое от фронта. Но каждое наше задание требовало от нас самоотверженного ратного труда. Немного спустя после ухода с рубежа реки Хан я удостоился чести быть членом ТПК, был награжден первой медалью «За боевые заслуги».

Ветеран войны Ким Чу Хан

Победа боя на рубеже Осана

Когда речь идет о бое на рубеже Осана, думаю, нет таких, которые не знали бы о нем. Не только среди нас, участников Отечественной освободительной войны, но и среди детей-школьников.

В том бою был наголову разбит передовой отряд первой партии наземных войск американцев. Победа боя остается в памяти корейцев необычайным символом боевой доблести.

В то время противник под натиском контрнаступления Народной Армии был вынужден через три дня после начала войны оставить за собой Сеул. Противник попытался найти выход из кризиса и принял срочные меры, чтобы изменить сложившуюся военную обстановку. Для этого он немедленно продвинул наземные части американских войск на корейский фронт.

Раньше всех пробрался 1-й батальон 21-го полка американской 24-й пехотной дивизии. Комбатом был некий Смит, и его батальон назывался «специальным отрядом

Смита». Его задание – продвинуться к северу по дороге Пусан – Сеул, остановить наступление Народной Армии и обеспечить развертывание главных сил американской дивизии.

Получив задание, «спецотряд Смита» вместе с 52-м дивизионом полевой артиллерии занял оборонительные позиции на рубеже села Кымам севернее Осана и ждал наступающих на юг подразделений Народной Армии.

Я был тогда командиром 1-го отделения 1-го взвода 8-й роты 3-го батальона 18-го полка гвардейской Сеульской 4-й пехотной дивизии КНА. Часть, в которой я состоял, освободив Сувон и набирая скорость контратаки, двигалась на юг по дороге Сувон – Пхёнтхэк. Мы шли вместе с танковым подразделением. Танки шли впереди и, пройдя определенное расстояние, ждали прихода пехоты, а затем снова дальше двигались вперед.

Однако утром 5 июля, когда наше подразделение добралось до рубежа села Кымам волости Осан уезда Хвасон (так называли в то время это местность), мы видели, как наши танки, не ждав впереди нас, вдруг, открывая огонь, помчались вперед. Было ясно, что наши танки, обнаружив американских солдат, не ожидали прихода нашей пехоты, смело ринулись вперед во вражеский стан. С оглушительным грохотом мчащихся танков и взрывом снарядов виднелись наши танки, которые проутюживали огневые пози-

ции 52-го дивизиона американской полевой артиллерии. И нам надо было немедленно занять боевые позиции.

По приказу ротного командира мы пробежали что есть мочь через открытую местность, где свистели пулеметные пули противника. Когда наша рота заняла гребень левой высоты, на гребень противоположной высоты поднялась и 7-я рота. Все мы приготовились к бою. Лишь тогда мы обнаружили лениво движущихся в ущелье мерзавцев с глубоко впавшими глазницами, с волосами необычного цвета.

– Это янки!

Я заметил, как наши боевые друзья крепко держат в руках оружие, как у них глаза горят огнем мести. Всех взяла мысль: «Не будь этих гадов, мы теперь наслаждались бы в семье счастьем, гуляли бы по мирной улице».

Янки карабкались в сторону наших боевых позиций. Мы с гневом открыли по ним шквальный огонь. Янки перестали сопротивляться. Они скрылись за скалами, за кустарниками. Наш комроты приказал: «Не стрелять!»

Шла минута за минутой. Вдруг встал какой-то верзила довольно высокого роста и о чем-то крикнул незнакомыми нам словами, и по его команде одновременно встали враги и спешно поднимались на гору.

Когда противник приблизился до дальности гранатометания, наш комроты дал приказ: «Огонь!» Янки падали, как скошенные. Были видны и удирающие. Прозвучал

приказ нашего командира: «В атаку!»

Мы, держа винтовки наперевес с примкнутыми штыками, вихрем спустились с горы вниз, кололи штыки в грудь противнику. Порой нелегко было вынуть вколотый штык, и пинали ногой, но и это не помогло, тогда, махнув на это рукой, быстро взяли другие винтовки и продолжали колоть штыки в других. В том бою особо отличился Чо Хён Гу, командир отделения 2-го взвода нашей роты. Смелчак сразил штыком 17 янки. Иногда приходилось ему колоть штыком сразу в двух янки подряд.

Вслед за нами прибыли наши танки и другие пехотинцы. Вместе с ними мы, окружив противника, окончательно разбили его наголову на высоте 118. Лишь несколькими янками еле-еле удалось спасти свою шкуру.

Бой, длившийся лишь несколько часов, завершился нашей победой. Но это короткое время было мгновением истории, когда впервые был развеян в пух и прах миф о «всемогуществе» американских войск.

Позже мы узнали, что эти янки раньше, говорят, хвастливо трубили: «Как только американские войска появятся на поле корейской войны, они, народноармейцы, с испуга обратятся в бегство».

Однако победа была за нами, мы выполнили приказ уважаемого Верховного Главнокомандующего Полководца Ким Ир Сена – показать янки, на что способны корейцы.

Прошло больше 60 лет, как кончилась война нашей победой. Но мы, теперь с седыми волосами, с необыкновенным чувством, воскрешаем в памяти дни войны, овеянные славой победы.

Мы, ветераны войны, имеющие опыт схватки с такими янки, знаем, какие они, – это пред слабыми свирепые волки, а пред тем, кто нападет на них не на жизнь, а на смерть, – самые трусливые и вялые.

Ветеран войны Ли Чхун Гвон

На рубеже жизни и смерти

В августе 1950 г. наш фронтовой батальон, подразделение непосредственного подчинения гвардейской Сеульской 3-й пехотной дивизии, воевал на рубеже реки Рактон. Наше задание – пополнить наши боевые силы на высоте горы Суам, где идет ожесточенный бой с противником, и вместе с тем во взаимодействии с саперным батальоном дивизии перекинуть подводный мост для переправы.

От дивизии недалеко город Тэгу. Чтобы взять его, нужно было занять гору Суам. И ее можно было назвать нашим плацдармом. Эта гора стояла, как говорится, под самым носом переправы, которую охраняли мы вместе с саперным батальоном дивизии. Она для нас была проходом к подступам в Тэгу, а для противника – последним опорным пунктом обороны Тэгу. И на этой горе противник и народноар-

мейцы вели жаркие бои – то атаковали, то отступали. Словом, гора Суам и прилегающая к ней переправа были «горячей точкой» в едином комплексе.

И ныне, кажется, слышу то, что сказал военкор Сон Хак Ён: «Во время Отечественной освободительной войны началось наше временное стратегическое отступление. Мне, честное слово, пришлось бросить все рукописи, что были у меня, но я хранил при себе, как сокровище, материалы о боях на горе Суам». В его документальной заметке о тех боевых днях пишется:

«В дни моей военкоровской жизни незабываемы бои на горе Суам – плацдарме с рекой Рактон.

... ..

В те дни командование Макартура, подняв на ноги всю свою авиацию, подвергало наши позиции массированным бомбежкам – первым крупным после Нормандской десантной операции во время 2-й мировой войны, чтобы прикрыть свои наземные войска.

... Над рекой Рактон гремел грохот нашей корпусной артиллерии, готовый, казалось бы, вот-вот проглотить противника. Почетное важнейшее боевое задание занять гору Суам поручено бойцам полка Хан Чхан Бона, прославленного в бою на реке Кым.

... Каждый день вражеские самолеты сбрасывали на берег реки Рактон бесчисленное множество бомб, сжигали

все жилые дома в окрестностях, чтобы нашим народноармейцам негде было и обедать. Подвергали даже сады с яблонями и хурмами пулеметному обстрелу, обрушивали на них даже устройства с пехотными минами.

... Во время 17-дневных боев на горе Суам американские наемные войска более 30 раз вели контратаку, ежедневно обрушивали на нее в среднем более 3000 снарядов, но так и не удалось им взять эту гору у наших народноармейцев...»

Бои на горе Суам, нашем плацдарме, были очень ожесточенными. И, естественно, на соседствующей с ней переправе, где действовало наше подразделение, с часу на час становилась ситуация более критической.

В боях на реке Рактон, правду сказать, не было грани между днем и ночью. Но все-таки с наступлением ночной тьмы, когда вражеские стервятники не могли своевольничать, эта река стала, образно говоря, вольной ареной действий наших войск. Днем мы скрывались в бомбоубежище во избежание массированных налетов вражеской авиации, а когда темнеет, наши бойцы стрелой помчались на переправу и прямо в военной форме ныряли в речную воду – в одной стороне ставили столбы для моста из мешков с песком, в другой – переносили вдвоем на палке сломленные бомбежками телеграфные столбы, чтобы использовать их как перекладины для подводного моста. Таким образом мы

с величайшим трудом обеспечивали переход через реку артиллерийских тягачей и машин со снарядами на гору Суам, где идут горячие бои. Но еще не забрезжил рассвет – снова прилетели вражеские самолеты. И опять бомбежки – целиком полетел на воздух построенный нами подводный мост.

Противник понял, как строится мост. И он при помощи осветительных снарядов освещал ночную тьму над переправой, как днем, и подвергал ее массированному артобстрелу. А днем враги, узнав, что наше подразделение скрывается на берегу реки, подняли группы бомбардировщиков, которые ежедневно, прочесывая берега реки, яростно сбрасывали смертоносные грузы. Сколько раз и меня трогали когти смерти, не могу перечесать.

В реке Рактон текла, правду сказать, не вода, а кровь. Поле боя на реке пылало пламенем. То, что люди уцелели и остались в живых, было чудом.

В один из августовских дней 1950 г. мне, командиру роты, пришлось произвести допрос одного американского летчика. Его самолет, безумно бреющий над рекой Рактон, был сбит пулями из винтовок наших солдат, и тот сделал вынужденную посадку на парашюте. Пленный дрожал, как осиновый лист, и, вынужденный из-за пазухи семейную фотографию, на коленях умолял: «Ради бога, прошу не убить меня! Если я умру, умрут с голоду и моя жена, мои дети. Прошу

обращаться ко мне как к пленному». Вдруг он снял с себя военную форму. Ба! У пленного руки чем-то блестели. Вижу – руки надеты целым рядом ручных часов. Меня охватил всплеск гнева. «Гады какие! Погибали ни в чем не повинные корейцы, а эти янки, проданные за деньги, на улицах, где течет кровь нашего народа, развлекаясь, собирали часы». Если тот не был бы пленным, то я разорвал бы его на куски.

Мы не могли сдерживать жгучую ненависть к американским гангстерам – тем, которые варварски бомбили наши мирные города и села нашей Родины и совершали вопиющие злодеяния против корейцев. Вспышка гнева подняла нас на последний решительный бой, на разгром всех врагов до последнего. Американским воякам и солдатам марионеточной армии суждено было скоро быть выброшенными в море перед Пусаном...

В апреле 1952 г. великий Ким Ир Сен посетил село Пэксон, где в то время учились студенты Университета им. Ким Ир Сена. К великому счастью, и на мою долю выпала честь быть на том месте. Мы, студенты, слушая его речь о светлой перспективе послевоенного восстановления и строительства в стране, уже заглянули в победное завтра. Словно слышал клич из моего сердца: «Да! Победа в войне уже за нами! Мы победим наверняка – нас ведет за собой Полководец Ким Ир Сен!..»

С тех пор утекло много воды. Но славные традиции победы продолжают у нас из поколения в поколение. Героическая Корейская Народная Армия, приведшая в те годы участь империализма США к закату, в недалеком будущем торжественно проведет второй военный парад в честь Победы в присутствии уважаемого высшего руководителя Ким Чен Ына.

Ветеран войны Пэ Сун Чжэ

Солдатские ремни

Идет бой на рубеже реки Рактон. Разрываются вражеские авиабомбы, свистят лютые пули мимо ушей, густая пыль и дым огня застилают глаза. На берегах реки – пронзительные звуки низколетающих, пикирующих самолетов противника, грохот взрыва снарядов и бомб, грозные крики наших солдат, стоны раненых...

Синева воды реки постепенно прекращается в цвет крови. Ожесточенный, жаркий бой. Казалось бы, в мгновение все сущее на свете перевертывается дном вверх.

Видимо, противник решил превратить реку и прилегающий к ней район в пучину смерти. Вражеские стервятники бешено обрушивают на поле боя смертоносные металлы – будто разбрасывают с воздуха кучу соевых бобов.

И там, где мы ложились, потерь было немало. После вражеских бомбежек с места поднимались единицы солдат,

страхивая с себя густо осажденную пыль. Мы, санитарки, глядя на раненых боевых друзей, душой кликнули: «Надо спасти их! наших боевых друзей... Но с кого начать и как?...»

Что-то вязкое текло у меня по лицу, неизвестно что – слезы или кровь. Все время у меня глаза затуманивались.

Санитарных носилок было всего несколько, в санвзводе – немногим более десять человек... Нас терзали думы: «Наши друзья гибнут, проливая кровь, а мы ничего не можем делать...»

Мы бегали по полю боя изо всех сил, но росло и росло число раненых. Были и душераздирающие минуты, когда мы были вынуждены, глотая горькие слезы, пройти мимо боевых друзей, выпускающих последний вздох.

Снова пулеметный обстрел с вражеских самолетов, разрезающий воздух... Вдруг меня покинули силы, сперло дыхание. Но я снова встала, продолжала бежать по полю боя, чтобы искать раненых. Забота у нас была одна: спасти хотя бы на одного раненого больше!

Кое-кто из тяжелораненых, которому явно неминуема смерть, собравшись с последними силами, лежа останавливает санитарку. Он, с величайшим трудом поднимая пока здоровую руку, указывает на свой солдатский ремень. Каждая санитарка понимает, что это значит. Вытирая себе слезы рукавом гимнастерки, она снимает с его пояса ре-

мень и подпоясывает им себя. Затем бежит дальше к другому. Тяжелораненый, глядя на свой «бегающий» ремень словно живой на поясе у мчащейся санитарки, тихо закрывает глаза с последней улыбкой на губах... К ремню прикреплена записочка с номером части и домашним адресом солдата. В нем, я думала, таится его совесть, вся его мечта быть достойным и после смерти перед Родиной, перед родителями, перед женой и детьми в родном краю...

На рубеже реки Рактон мы получили приказ о временном стратегическом отступлении. Сразу в медпункте 18-го полка 4-й пехотной дивизии состоялось совещание по вопросам организации отступления.

– Если не будет другого мнения, будем делать так, как решено, – прозвучал гулкий голос начальника медпункта.

Ответа не было. Воцарилось молчание. Лишь тогда я, до того прощупывавшая опоясанные солдатские ремни, опомнилась и встала с места.

– Думаю, так нельзя! Это же наши боевые товарищи! С каким трудом мы спасли их! Говорите, оставить их здесь, и только мы отступим? Нельзя!

Недоумевающие взгляды устремились ко мне, совсем молоденькой девушке, командиру санвзвода.

– И здесь, конечно, – продолжаю я, – есть революционные организации. Я, конечно, уверена, что скоро, думаю, начнется наше контрнаступление. Но я предлагаю вот что:

при отступлении взять с собой всех раненых.

Я так настойчиво настаивала на своем, что среди собравшихся не было возражения. Итак, была организована группа по эвакуации раненых. В составе – более 50 человек, в том числе 10 с лишним из нашего санвзвода. Тяжелораненых, которые не могли ходить, – 5, легкораненых – более 30. В ответе за выполнение задания – я, командир санвзвода. Впереди нас ждали кучи суровых испытаний. Все это понял весь состав эвакуационной группы.

Цепкие преследования противника, непрерывные бомбежки вражеской авиации не давали нам днем свободно двигаться. Вооружение у нас не ахти какое: несколько автоматов и винтовок – все. Большинство были раненые. И темпы нашего похода по горным тропинкам были очень медленными.

Провианта хватило только на несколько дней, к тому же во время похода нам порой приходилось останавливаться – нужно было лечить тяжелораненых.

Нами овладела одна мысль: ни в коем случае не остаться в тылу врага, во что бы то ни стало всем вместе живыми возвратиться в Ставку Верховного Главнокомандующего Ким Ир Сена. Эти думы все торопили нас продвигаться на север.

Мне, получившей сквозную рану в ногу в бою на рубеже реки Рактон, шагать было очень трудно. Во время воз-

душного налета противника раненым пришлось разойтись в разные стороны, и после этого для их поиска требовалось несколько часов.

Офицеры и бывалые бойцы собрались на одном месте и обсудили, как нам поступать дальше. Временно был переформирован отряд, принято решение установить железную дисциплину. Организован дозор из бывалых бойцов санвзвода и группы легкораненых, уточнен порядок командования и связи в возможной разной обстановке.

Было запланировано достать медикаменты под Тэчжом, и мы могли получить их, конечно же, не в достатке. Зато Ли Чхун Гвон, бывалый боец 8-й роты 3-го батальона, и несколько других товарищей пошли на железнодорожную станцию, где им удалось приобрести оружие, и весь личный состав нашего отряда мог вооружиться.

Острейшей проблемой была нехватка медикаментов и продовольствия. Было немало таких раненых, которые нуждались в срочной медпомощи. Не будь медикаменты – нам приходилось бы, оказавшись беспомощными, просто ждать последних минут жизни боевых друзей. То же самое было и с продовольствием. Продолжались воздушные налеты противника. Мы бегали и бегали – то находили медикаменты на машинах, брошенных противником при бегстве, то с риском для собственной жизни спускались в поселки достать продовольствие и лекарства. Порой нам не

раз приходилось идти на стычки, неравные бои с солдатами марионеточной армии или молодчиками местной реакционной организации «Чхиандэ»

Когда мы, обходя Хвачхонское водохранилище, продолжали поход на север, у одного из тяжелораненых было сильное кровоизлияние, и нам пришлось сразу разбить палатку, где и я переливала ему мою кровь.

Мне, конечно, было тяжело и мучительно. Но каждый раз мне дала силу встать мысль о товарищах, погибших на реке Рактон, о тех всех, кого мы не смогли спасти. Те солдатские ремни погибших товарищей, которые у меня на поясе, помогли мне быть всегда в состоянии духовной напряженности, чтобы мы ни на минуту не расхлябались.

После суровых испытаний и затруднений мы, наконец, добрались до окрестностей Косанчжина. Какая была радость и восторг того дня, не выразить словами!

У нас было такое ощущение, будто мы во второй раз родились на свете и вернулись вместе со всеми любимыми товарищами по оружию, которых мы не смогли спасти на рубеже реки Рактон.

С той поры прошло много лет. Но меня, честное слово, никогда не покидают думы о многих и многих фронтовых друзьях, погибших на берегу той реки. Я, как ветеранка войны, как бывший командир санвзвода, креплюсь в решимости душой не стереть, не развязать той солдатский

ремень до последних минут своей жизни.

Ветеранка войны Кан Ён Сун

Жди нас, гора Пхальгон!

Я рисую перед глазами большие и малые высоты на гребне горы Пхальгон. И теперь мне будто слышатся громкие крики боевых друзей, шедших в рукопашный бой. Словно звучат их голоса: «Крепко нажмем врагу горло, давай продвинемся в Чинхэ, в Пусан!» В моих ушах будто слышится, как эхо, последняя просьба боевых друзей: «Товарищи! Прошу бить врагов за меня!»

Пройдем мы через гору Пхальгон – сможем одним махом взять Тэгу и Пусан, водрузим на краю берега Южного моря флаг нашей Республики. И на этом были сосредоточены все горячие желания наших солдат.

С каким ожесточением шли атаки и переходы к обороне между противником и нашими за одну высоту! На каждый шаг продвигающихся наших войск противник обрушивал сотни снарядов.

В то время мы, бойцы 2-го батальона 83-го полка 8-й пехотной дивизии, заняли позиции на последней высоте гребня горы Пхальгон, на левой стороне которой – железная дорога, ведущая к Ёнчхону.

Противник, потерявший эту высоту под натиском нашего подразделения, продвинувшегося вперед более 8 км

за одну ночь, в следующий день с раннего рассвета пустил в ход самолеты-истребители, которые, буквально прочесывая наши позиции, вели яростный пулеметный обстрел, сбрасывали с воздуха бомбы. Улетает вражеская авиация, открывавшая беспорядочный огонь из пулемета, – градом ссыпаются вражеские артснаряды. В воздухе рвались шрапнели, сжигали землю зажигательные снаряды. Большой осколок величиной с ладонь срезал рядом со мной стоящий низкорослый дуб, разломилось дерево толщиной с локоть, вслед за ним «тук-тук-тук» – слышались звуки удара осколков по окружающим молодым соснам.

Задача нашего отделения – уничтожить вражеских пехотинцев, поднимающихся на высоту.

Свистели мимо ушей вражеские пули, чертя бесчисленные огненные линии. Беспорядочно ударили осколки вражеских снарядов, грохот оглушил нас. Сперло дыхание от дыма огня, поглощающего высоту. В этом пекле нам приходилось, экономя патроны, открывать огонь по врагам – только прицельный.

Вдруг 16-летний юный боец, открывавший огонь недалеко от меня, с истошным воплем обхватив лоб, покачнулся. Я кувырком приблизился к раненому и, ни с чем не считаясь, вытащил осколок, воткнутый в его головную кость, перевязал его шею эластичным бинтом, чтобы остановить кровь, хлынувшую из порванной сонной артерии.

Но некогда было ухаживать за ним, уже потерявшим сознание: вдруг замолк возле моего окопа ручной пулемет, до того изрыгавший огонь. В момент моей минутной отлучки от замкомотделения осколок вражеского снаряда разорвал живот ему, ручному пулеметчику. Думал: нельзя остановить стрельбу из ручного пулемета. Да, это была огневая мощь взвода, мощь нашего отделения. Чтобы брать у него пулемет, я ползком подошел к огневому гнезду в грохоте авиабомб. Он звал меня, испуская последний вздох.

– Товарищ командир отделения! Стреляйте! Стреляйте, не останавливаясь!

Я, даже не успев закрыть ему глаза, заменил магазин запасным и снова начал стрелять. А тут прилетала весть: комвзвод ослеп от осколка. У меня мелькнула мысль: «Познакомился с ним. Совсем недавно, несколько дней назад. А теперь придется проститься с ним!» Не успев перестать думать о нем, на этот раз затихла трескотня автомата замкомвзвода, который бил врага в верхней стороне от нас. Я немедленно поднялся на вершину высоты. Вижу – огневое гнездо обагрят пролитая красная кровь. Магазин у него был пуст.

Мне вместе с остальными командирами отделений пришлось командовать боем – погиб и комроты.

Противник, оставляя за собой груды трупов, волнами атаковал на нас, но не мог одолеть нас – мы были проник-

нуты несокрушимой верой: в боях за выполнение приказа Верховного Главнокомандующего и смерть славная.

После жаркого боя на высоте воцарилось минутное затишье. Лишь тогда я, пришедший в себя, побежал к тяжело раненому комвзводу.

Не будь войны, думал я, он, наверно, мог бы стать нашим преподавателем по литературе. Ведь он был студентом выпускного курса Чхончжинского пединститута того времени. Глаза его забинтованы, но он отложил уйти в эвакуацию, остался на высоте. Комвзвод, пожимая каждому из нас руку и тяжело дыша, позвал меня к себе.

– Ду Су, командир отделения! Хотелось бы послушать твои стихи.

Как хорошо бы, думал я, если бы каждая строчка моих стихов как живительная влага помогла ему открыть глаза! Если бы глаза его, этого красавца, снова поблестели!

Я рекламировал стихи с клятвой солдата – того, кто готов без колебаний отдать свою жизнь во имя Родины. Слушая мои стихи, полные, я бы сказал, слез, комвзвод тихо улыбался. Какой он был человек! Раньше он первым прочитал мои стихи, написанные урывками в записной книжке с названием «За отмищение врагу!», проникновенно сказал: «Пошлем эти стихи к родителям, в родную школу!» Так он дал мне силу и смелость...

– Спасибо, товарищи! Давайте драться до последних

минут жизни! Чтобы не покрыть себя позором перед родным краем, перед Родиной!

... За час боя личный состав роты сократился от 64 до 22 человек. Но рота бралась за подготовку к бою. Мы собирали боеприпасы противника, хранили их в запасе. С гневом глядя на вражеские низколетающие самолеты, мы все глубже копали окопы.

Сколько раз мы отразили в тот день атаку противника! Враги своей авиацией и артиллерией превратили нашу высоту буквально в море огня. Мы стреляли до боли плеча. Пущенных нами патронов просто не перечесть. Стволы оружия так сильно раскалены, как огонь. А перед нами – противник, который снова начнет атаку. Мы ждали его в окопах, считая оставшиеся у нас гранаты. Виднелось над головой только безмятежное небо – такое необъятное, мирное и тихое, как будто ему чужда эта суровая война.

День за днем заметно усиливался артиллерийский огонь противника по нашим позициям. Да, в те дни не было гарантии, что оставшийся сегодня в живых солдат завтра останется живым в бою. Однако мы, солдаты, уступая свои ратные подвиги погибшим боевым друзьям, записывали боевые успехи на их имена. Мы вообще перестали думать о себе, о жизни и смерти, снова пошли навстречу смертельной схватке.

Через несколько времени мы узнали, враги намерева-

ются высадиться в Инчхоне. И нам пришлось, срывая крупное вражеское окружение, встать на путь временного стратегического отступления. Пришлось покинуть ту высоту, которую взяли мы дорогой ценой – ценой жертв, крови и пота наших боевых друзей. Сердце у меня словно разрывалось – они, лежащие мертвыми в ущельях Кёнсанского горного хребта, как бы обращаются ко мне: «Ду Су, дорогой мой, куда ты уйдешь?! Куда?! Трескотня твоего автомата, гремевшая на этой незнакомой горе Пхальгон, давала нам спокойно уснуть. Правда ли, что ты уйдешь через перевалы гор Собэк?!»

Я-то их товарищ как по учебе, так и по оружию. А теперь придется уйти, даже не успев захоронить на безымянной высоте на Юге моих молодых друзей, которым и меньше 20 лет, – моих соратников, которые жили такой широкой, как космос, надеждою и мечтою! Из глубины моего сердца излились строки пламенных стихов, зовущие к отмщению врагу. Мы, оставив за собой ту высоту, тронулись в путь, дав клятву перед горой Пхальгон: жди нас, непременно мы вернемся к тебе снова!

Ветеран войны Чвэ Ду Су

Оставаясь в одиночку на высоте

Командир батальона, передавая мне роту, приказал:

– Во что бы то ни стало взять гору Ябан!

Я взглянул на выстроившуюся роту. Ее личный состав – всего 7 человек, включая повара. Понятное дело, рота в боях сократилась до взвода, взвод – до отделения.

Через минуты в наш состав вошли 17 человек (резерв батальона). И сформирован взвод из двух отделений. Новый взвод под покровом тьмы снова пошел в наступательный бой. Теперь дорога эта вполне знакомая. По ней можно было бы идти даже с закрытыми глазами: раньше я вместе со своим взглядом пошел по этой дороге.

... От яростного артобстрела противника меня подняло на воздух сильной волной огня. Я потерял сознание. Совсем недавно, через несколько часов, придя в себя, мне довелось услышать, как героически сражались бойцы нашего взвода до последнего, чтобы взять гору Ябан. Сколько боевых друзей отдали в том бою свою молодость, проливая горячую кровь, за каждую пядь земли горы Ябан!

Я был командиром отделения зенитных пулеметчиков 15-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии КНА. Затем был назначен командиром 1-го взвода 9-й роты. Через десять дней я, возглавив второй взвод, снова направился на гору Ябан. Глаза мои горели огнем мести.

С вершины горы Ябан, говорят, виднеется остров Кочже, как на ладони. Это была самая большая из высот, окружающих село Чиндон. Противник, заняв эту гору, соорудил мощные позиции с использованием благоприятных

рельефных условий. Чтобы отразить наше наступление на оборонительной линии высоты перед селом Чиндон, противник разместил здесь свою «отборную» роту. Несмотря на ее упорное, настойчивое сопротивление, бойцы нашего 15-го пехотного полка захватили у противника эту гору. Под прикрытием мощного артобстрела противник, пустив в ход значительно больше, чем наши, вооруженных сил, начал контратаку на гору Ябан. Завязались яростные бои, не раз повторялись наступление и отступление обеих сторон. Наши бойцы беспощадно разгромили врагов. Неведомо с каких пор у нас солдаты начали называть эту гору горой Яман (в переводе – варвары) за то, что здесь сложились кучи трупов американских варваров

Я участвовал в том бою, когда 15-й пехотный полк перешел в резерв для восполнения вызванной в боях нехватки живой силы и боевой техники и соседствующий с ним 22-й артиллерийский полк был эвакуирован в тыл после немалых потерь в неоднократных жарких боях. И гора Ябан опять оказалась в руках противника.

Проходили последние дни августа 1950 г., но нас ждали впереди более ожесточенные бои. Глядя на гору Ябан, с которой то и дело поднимаются трассирующие снаряды и пули, я еще раз в душе поклялся: «Ни шагу назад не будет с занятого рубежа!» Это была моя клятва, оставленная в принятом перед боем решении подразделения – не на

жизнь, а на смерть выполнить приказ уважаемого Верховного Главнокомандующего.

... В конце концов, снова взята нами высота, но защищать ее было гораздо труднее. Чтобы отнять высоту, потерянную минувшей ночью, противник еще до рассвета пустил в ход артиллерию. Затем вражеские самолеты яростно налетели на нашу высоту. После бомбежек солдаты американского батальона бросились, как шакалы.

«Не отступать живыми с этой высоты!» – с таким криком мы дрались, как фениксы. Отразили очередной натиск противника – посыпались вражеские артснаряды, как дождевые струи.

Надеясь на свой численный перевес, противник отчаянно бросился. Погибали наши бойцы один за другим. К 8 часам утра, когда отбита шестая по счету вражеская атака, на высоте у нас осталось только трое. В мгновение воцарилось несказанное затишье. Я побежал к ротному повару, безмолвно пожал ему руки. На соединенные две руки положена еще одна, другая рука.

– Есть ли вода? – спрашиваю я, облизывая губы, потрепавшиеся от жажды.

В ответ на мой вопрос двое солдат открывают пробки фляг, покрытых густым слоем земляной пыли. На минутку всматриваю в дно фляги с почти невидимой водой. Затем вылил воду в раскаленный кожух станкового пулемета. И

остальные, прикоснувшись флягами к своим горячим, как кухонная плита, лицам, вылили в кожух эту «живительную воду». Как раз в тот момент снова налетел противник.

– Сволочь, на, возьми! Это отмщение от имени моей матери!

Бывалый боец, уже вытянув грудь, начал открывать яростный огонь из ручного пулемета по врагам. Я, крикнув ему «Положение ниже!», и продолжал стрелять из станкового пулемета. Но вдруг замолкла стрекотня ручного пулемета, и я повернулся лицом в ту сторону – он, боец кудрявый, упал. Сразила его вражеская пуля. Я поспешно обнял его, окровавленного.

– Эх! Стрелял бы... еще разок...» – он хотел что-то еще сказать, но не смог.

Шли минуты. Теперь я один остался на высоте. Я взглянул на часы – было 9. Неизвестно, когда прибудет подкрепление. Я «принял» оружие и гранаты из рук погибших товарищей – тех, которые не успели закрыть глаза. При виде их, казалось бы, из груди моей струилась кровь. Сердце мое словно кричало: «Товарищи! Спокойно закройте глаза. Я буду жив, непременно отстою высоту!»

Обхватив грудью собранные винтовки, автоматы и патроны, я дал себе команду «К бою!»

Я поставил в лицевой стороне высоты 3 автомата, 2 винтовки и ручной пулемет, в правой – 3 автомата, в левой – 2

автомата. Каждый магазин в полном заряде. Затем ставил курок на боевой взвод. Я, владев собой, начал прицельным огнем косить врагов, прежде всего впереди поднимающихся.

С лобовой стороны – в левую, с левой – в правую... Я был не в своем уме, так бегал с одной стороны в другую, чтобы отстоять окопы, где стояли 24 солдата. Сам давал себе приказ, сам воспринимал этот приказ. Я одновременно выполнял и обязанности командира, и долг солдата:

«Бить врага с расстояния 500 метров одиночным огнем из винтовок! С 400 метров – огнем ручных пулеметов, с 200 метров из автоматов, а затем гранатами!», «По возможности не подпускать гадов ближе, бить их безостановочно!»

Когда падали враги, как скошенные, я чувствовал в себе прилив исполинской силы, непостижимой уму. Собственно, мне ничего не было страшного. Я бегал словно разъяренный тигр под градом пуль и снарядов. В длинной траншее в десятки метров я стрелял и стрелял, то и дело перемещаясь из одного окопа в другой. Вдруг я покачнулся – запылало у меня лицо, сперло дыхание. Один подлец, незаметно в обход подбирившийся ко мне, буквально в нескольких шагах от меня открыл огонь прямо по мне. Я заметил и дым из дула его оружия. Но, к большому счастью, пуля попала не в цель. Когда тот снова собирался стрелять, я изо всех сил бросил к нему гранату. Но ошибся: не успел выдернуть предохранитель. И граната попала прямо на

каска противника. Насмерть перепуганный, он дал тягу и, влившись в свою группу, следовавшую за ним, кувырком скатился с горы вниз. Я бросил гранаты подряд, но почему-то они полетели недалеко. Каждый раз они падали под самым носом. Я собирался было взять другую, но не получилось. Мной овладела странная мысль, и я поглядел на руку. Ба! Оторвался палец. Но некогда было испытать боль. Вдруг мне чудилось, будто отрывается левая нога. При мысли о том, что совсем недавно пуля пролетела под ухом и оторвала палец, а теперь потерял и левую ногу, душа у меня, оставшегося в одиночку на высоте, запылала гневом и ненавистью, стала еще крепче. И я, держа гранату в каждой из рук по одной, поднялся с места. Боже мой! Волочилась левая нога, которую я считал оторванной. Я был так рад, что чуть было не крикнул. Оказалось, от осколка полетели только задник обуви и кожа у пятки, и я пока мог ходить. Стрелки часов указали: 3 часа после полудня. И атаки противника постепенно сбавлялись. Тем не менее нервы у меня стали еще напряженнее. Легкий шумок ветра словно представлялся мне как звук шагов подходящего противника, а колышущиеся травы виднелись как будто каски янки. Я в предельном напряжении слежу за боевой обстановкой. А тут сзади приближаются до 200 метров от меня люди в народноармейских формах. Мелькнула молнией мысль: «Это, может, нападают солдаты марионеточ-

ной армии, переодетые народноармейцами?!» Вспомнился недавняя стычка с врагами, переодетыми в беженцев. Я, ни о чем не обдумываясь, начал угрожающий огонь.

– Свои! – с криком прибежали они, махая головными уборами с пятиконечными звездами.

Да, это несомненно были наши – народноармейцы! Прибыло, наконец, подкрепление, которого я так ждал и ждал.

В миг меня взяло чувство облегчения – казалось, что вся сила покидает меня и будто проваливается сквозь землю. Я бессильно повалился у окопа. Что-то жидкое, солоноватое проливалось в рот – неизвестно что: то ли пот, то ли слезы. Я снял головной убор – оттуда высыпались пучками волосы, как будто срезанные ножницей. Что это такое? Вижу: в головном уборе, увы, 9 пробитых пулями дырочек.

Я получил приказ: передать позиции фронта и прибыть в штаб батальона. Но, собственно, мне мучительно тяжело было покинуть высоту – ту, которая обогрета кровью боевых друзей и на которой покоится их прах.

Комбат крепко обнял меня.

– Молодец! Тигр горы Ябан! 13 раз отбил вражеские атаки! И то в одиночку отстоял высоту!

Я стоял навытяжку.

– Я не вправе умереть!

Ветеран войны Чон Се У

Незабываемый образ

Во время Отечественной освободительной войны я служила старшей медсестрой санчасти гвардии 2-й пехотной дивизии им. Кан Гона КНА. От начала войны до дня Победы. При мысли о военных днях мне вспоминаются скорее пережитые мной душевные потрясения на берегу реки Рактон, чем эпизоды о ратных подвигах.

Наша дивизия переправилась через эту реку в начале сентября 1950 г. на рассвете. После переправы минуло 10 дней с хвостом. В то время я была в командовании дивизии. Однажды мне пришлось сходить в санчасть дивизии за медикаментами.

Путь в санчасть был нелегок. Помешали артобстрелы и воздушные налеты противника. Потребовалось немало часов, чтобы добраться до места назначения. Но там не было медпункта. И снова вернулась в командование дивизии, но и там не было командования. Мелькнула мысль: «Теперь я осталась одна!» Вдруг меня взяло чувство страха.

В тот день я одна с оружием на плече, блуждая по берегу реки Рактон, долго и долго искала местонахождение командования дивизии и санчасти. И в следующий день, когда забрежило, я снова пошла искать товарищей из дивизии. После долгих блужданий я случайно встретилась с одним солдатом. Тот сказал мне: «Пойдешь подальше —

там, наверное, увидишь товарищей из медпункта».

Я не в своем уме побежала туда. Бог помог: там оказалось несколько товарищей из санчасти – мужчин и женщин. Сообщили мне: начато временное стратегическое отступление и санчасть тоже по приказу тронулась в путь.

Однако, я вижу, их действия в чем-то были неестественными, да и атмосфера там была странной. Начальник санитарно-эпидемической службы санчасти, по-видимому, ответственный за оставшихся, проговорил: «С сей же минуты никому без моего приказа ни на шаг двинуться с места!» Он задержал всех, оставшихся на месте, им ни взад, ни вперед. Позже мы узнали, что тот мерзавец с самого начала собирался передать весь наш отряд на когти противника.

В тот миг вдруг, откуда ни возьмись, появился перед нами незнакомый офицер, который обратился к нам: «Нельзя здесь остаться! Надо пойти к Ставке ВГК! Желающие пусть следуют за мной!»

Все пошли за ним, конечно, кроме начальника санэпидемслужбы. Но нам не удалось далеко уйти: начались жаростные воздушные налеты вражеской авиации. И нам пришлось разойтись кто куда.

Я вместе с совсем молоденькой девушкой-солдатом лежали возле каменной груды у одной сгоревшей крестьянской избы. Перед мною стояло одно дерево хурмы. На всех ветвях красовались спелые, аппетитные плоды.

Я была так голодная, что забыла страх. Когда вражеский самолет пикирует с пулеметным обстрелом, я ложилась, а когда тот стервятник поднимается ввысь, срывала хурму и брала ее в рот. Оттого ли весь день у меня во рту было вяжуще. И поныне мне не забыть того случая. Но после этого не смогла видеть того офицера, который сказал нам, что желающим пойти в Ставку ВГК надо следовать за ним. Наверное, с ним случилась какая-то беда во время вражеской бомбежки.

Когда вражеский налет утихал, мы на берегу реки Рактон начали искать, где можно переправиться через нее. К счастью, под опорой разрушенного моста, перекинутого через реку, нам удалось встретиться с солдатами другого подразделения – их было человек 30. После этого мы действовали вместе с ними.

Когда темнело, они откуда-то притащили три бревна и обратились к нам: «Давай на них переправимся!» Мы, опираясь на бревна, пошли немного на реке. Тут противник, обнаружив нас, начал артобстрел. В воздух поднимались осветительные снаряды, усилился шквальный огонь противника. И нам пришлось плавать по реке и снова вернуться на противоположный берег.

Мы, скрывшись там в зарослях, стали обсуждать, как переправиться через реку. Тут улыбнулась судьба – к расцвету неожиданно появились перед нами бойцы саперного

батальона дивизии – у них была одна деревянная лодка.

Какая радость! Какое удивление! Мы ни с того ни с сего схватились им за рукава. Они сообщили: «Товарищ комдив дал приказ – там есть пока еще не успевшие переправиться, найти всех их, вернуться вместе с ними!»

Итак, наша группа, пробиваясь сквозь усиленный кордон противника, сумела благополучно переправиться через реку Рактон.

На берегу реки нас встретил командир дивизии Чвэ Хён. При виде комдива невольно хлынули слезы. Как будто несмышленный ребенок после долгих мытарств и блужданий в одиночку на грани смерти встретился со своей родной матерью.

Я сделала комдиву рапорт о прибытии группы. Он предупредил меня не отставать от части, приказал действовать вместе с санчастью дивизии.

– Слушаюсь! Хотя умру, не отстану от части – ответила я громким голосом.

... После этого продолжалась моя солдатская биография: суровые дни на втором фронте в тылу врага, ожесточенные бои за оборону высоты 1211, Победа в войне и участие в военном параде в честь Победы.

И ныне, когда я перебираю в памяти дни Отечественной освободительной войны, перед мною проходят живые картины, как в кинокадрах. Какой драматический контраст

между начальником санэпидемслужбы и появившимся перед нами офицером: первый сказал: «Слушай мой приказ. Ни в коем случае не двинуться с места!», а второй громко крикнул: «Надо пойти к Ставке ВГК!» И в моей памяти никогда не забыт образ командира части, ветерана анти-японской революции, который так старался спасти всех бойцов до последнего в тылу врага и повести их к уважаемому товарищу Верховному Главнокомандующему.

Река Рактон в пламени глубоко врезалась в мою память как никогда незабываемая, которая научила меня, в какую минуту дает о себе знать истина убеждений и морального долга солдата революции.

Ветеранка войны Чхэ Бон Рён

Храбрецы 105-й танковой дивизии

Частям Народной Армии, продвинувшиеся до рубежа реки Рактон, пришлось встать на путь временного стратегического отступления.

Рота безопасности, где я состоял, действовала в уезде Чхонан провинции Южный Чхунчхон – ликвидировала остатки недобитого противника и классовых врагов, охраняла дело создания органов партии и народной власти. В то время по приказу наша рота, срочно зачисленная в состав батальона спецразведки гвардейской Сеульской 105-й танковой дивизии, двигалась на север вместе с главными си-

лами дивизии. Я был замкомроты по культурной части. Дивизия, получив задание сдерживать противника, пытающегося окружить отступающие народноармейские части, форсированным маршем двигалась в сторону Сувона.

Впереди нашего отряда, состоящего из танков и пехоты, шли два дозорных танка. А мы, к сожалению, не знали, что высадившийся в Инчхоне противник уже вошел в Сувон. И наши дозорные танки неожиданно столкнулись там с противником. Обстановка была весьма критическая. Расстояние между нашими танками и следующими за ними главными частями – около 2 км. Соотношение сил противника и наших несравнимое.

Бойцы дозорных танков, вступивших уже в город, решили биться с врагом не на жизнь, а на смерть. Им некуда было двинуться – ни взад, ни вперед. Они срочно сообщили главным частям позади, чтобы изменили направление маршрута, а сами ринулись вперед навстречу противнику. Враги под внезапным натиском наших танков впали в полное замешательство. Наши танки, с большой скоростью передвигаясь по улицам Сувона, обрушивали огонь на боевую технику и казармы противника. И там и тут подымались огненные столбы, валялись трупы вражеских солдат.

Противник, находившийся некоторое время в состоянии хаоса, спешно упорядочив боевой строй, перешел к контратаке. На наши два танка бросились множество янки и сол-

дат марионеточной армии. Со злобой, точа зубы, налетели и реакционеры, приветствовавшие приход американских войск. Противник, пустив в ход свои танки и артиллерию в Суване, открыл яростный огонь по нашим танкам.

Когда у наших танков кончились снаряды, враги бросились на них, как черные вороны. Наши танкисты взмахом артбашни отбросили вон врагов, которые пытались прицепиться к танкам или взобраться на них. Наши танки, двигаясь в разные стороны, проутюживали врагов гусеницами.

Побиты гусеницы танков от вражеских снарядов, кончилось горючее – танки не в состоянии двинуться дальше. Враги налетели на танки. Наши танкисты автоматами уложили нападающих. Кончились и патроны. Они буквально превратились в живые снаряды. Вокруг танков валялись груды вражеских трупов.

Наступила у них последняя минута жизни. Враги, озлобленные понесенными огромными потерями от двух народноармейских танков, напали на раненых танкистов, как шакалы. Погибая смертью храбрых, они во весь голос кричали: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

... Боевые друзья, очевидцы героической смерти смельчаков, глотая кровавые слезы, рассказывали об этом взводам, ротам и батальонам.

Я вместе с бойцами роты крепил решимость отомстить врагу за погибших танкистов. По полученному заданию

мы, заняв высоту на переходе от Осана к Сувону, соорудили оборонительные позиции. Вооружение у нас было слишком слабо по сравнению с противником.

Наша рота отвечала за большое шоссе. Было ясно, что агрессивные войска янки с использованием быстрых подвижных средств начнут атаку по большаку. И командиры роты разместили по сторонам дороги станковые пулеметы.

Спустя некоторое время вражеские джипы прибежали с большой скоростью, чтобы разведать силы на рубеже нашей обороны. Ротные командиры решили привести бойцов к полной боевой готовности и при возвращении вражеских джипов обратно из глубины нашей зоны обрушить на них меткий огонь

Как ожидалось, через некоторое время джипы со всей скоростью возвращались обратно. Наши солдаты горели гневом.

– Прими, сволочь! Это за погибших наших танкистов!

Станковые пулеметы одновременно открыли огонь. Пламя охватило джипы. Американские офицеры и солдаты разведки – все отправились на тот свет, трупы валялись на шоссе.

Бой продолжался. В следующий день в воздухе появился вражеский самолет – артиллерийский корректировщик. Противник три часа продолжал сосредоточенный артобстрел передней линии нашей обороны. Под артиллерийским прикрытием противник с двумя бронемашинами

впереді приблизився к зоне нашего огня. Отовсюду в окопах прозвучали гневные крики наших воинов: «За кровь наших танкистов!»

С пронзительным выстрелом из противотанкового ружья была охвачена пламенем передовая бронемашина противника. Остановились и следовавшие за ней бронемашини. Огонь очередями из станковых пулеметов и сосредоточенная стрельба из различных видов стрелкового оружия наших бойцов скосили шедших за бронемашинами американцев, как камыши. Оставшиеся в живых янки поспешно показали пятки. Боевые успехи роты были большие: выведены из строя две вражеские бронемашины, уложены многочисленные янки.

В пятый день после начала оборонительного боя, во второй половине дня, связной 3-го взвода, в прыгнув в мой окоп, крикнул:

– Товарищ культзамкомроты! Командир взвода ра...»

Высота была окутана дымом от огня. Я, выпрыгнув из окопа, побежал на окоп 3-го взвода.

Виджу: лежит комвзвод – вражеская пуля попала прямо в область сердца. Из груди брызнула кровь. Тяжело дышал. Я, обняв его, потряс и крикнул:

– Ён Ху, друг мой! Комвзвод!

Он с трудом хотел было открыть глаза, но не мог. Собравшись с силами, он произнес:

– Товарищ культзамкомроты...– закрыв глаза, он уронил голову.

Боевые товарищи истошно звали и звали его, но ответа не было. Я велел связному принести мое военное одеяло. Я, вынув из его груди окровавленный партбилет, сунул его вместе с моим за пазуху, бережно окутывал погибшего одеялом. В флягу из-под воды всунул записочку с надписью: «Им Ён Ху, командир 3-го взвода приданного Чхонанской роты безопасности спецразведбатальона 105-й танковой дивизии. Родом из волости Чанчжин уезда Чанчжин провинции Южный Хамгён». Затем мы бережно захоронили его вместе с другими погибшими бойцами...

Я обозначил на карте место захоронения друга и хранил карту в груди. Душа моя словно сказала: «Когда война закончится победой и Родина объединится, я вернусь снова сюда, на эту землю, обогренную кровью боевого друга!»

Наша рота продолжала жаркие бои. Слишком велика была разница в силах противника и наших. Более 10 дней длились ожесточенные схватки. Наши бойцы отлично знали: не будет защищен занятый нашей ротой рубеж – попадут в кольцо вражеского окружения многие народноармейские части при временном стратегическом отступлении.

И они были готовы вести смертельный бой до тех пор, пока не останется последний...

Военное знамя гвардейской Сеульской 105-й танковой

дивизии им. Рю Гён Су КНА овеяно славными подвигами доблестных бойцов, известных и неизвестных, которые в те огненные дни, становясь броней, железным кулаком Родины, громили врагов один против ста, один против тысячи, сражались с противником до последней капли крови.

Ветеран войны Ли Док Бэ

Непревзойденные методы партизанского боя

История Отечественной освободительной войны знает целый ряд прославленных боев. Особо впечатляющими были бои на 3-м этапе войны, когда нам приходилось совершать походы в тысячи *ли* (10 *ли* – около 4 км).

В те дни наш полк по приказу уважаемого Верховного Главнокомандующего воевал в тылу противника в районах провинции Канвон. Нашим полком командовал ветеран антияпонской революции Ким Чхоль Ман. Задание нашей части – боевыми действиями в районах уезда Янгу и г. Чхунчхона закрыть дорогу, ведущую в г. Сеул, и заблокировать перевозку военных материалов противника.

Однажды во время похода нам пришлось неожиданно столкнуться с одним батальоном марионеточной армии. Противник, двигавшийся по боковому гребню горы, первым стрелял в нашу сторону. Но мы продолжали свой форсированный марш. Противник, по-видимому, считал нас своими и начал спускаться вниз с гребня.

В тот момент наш комполка, точно оценив обстановку, дал части боевой приказ: автоматной роте – атаковать напрямик, 2-й роте 1-го батальона – с левого и правого гребней, 1-й роте – отрезать путь отступления противника, разведзводу – действовать вместе со штабом полка...

У противника на вооружении – 6 станковых пулеметов, более 10 ручных, 10 – 15 60-миллиметровых пушек и автоматы. Мы находились на высоком месте, а внизу рубежа, занятого противником, – река. К тому же враги были в беспечном состоянии: они приняли нас за своих. Решение комполка было ясно: используя благоприятные рельефные условия, внезапным налетом уничтожить превосходящего по силам противника.

После полудня, в 3 часа, раздался сигнальный выстрел. Наши бойцы фронтально, с правой и левой сторон ринулись вперед с громким криком «Ура!», обрушили на противника шквальный огонь. Враги, совсем растерянные, – душа у них пошла в пятки, – даже не успев сделать ни одного выстрела, метались как угорелые. Их постигла массовая смерть, иные бросились прямо в реку, чтобы спасти свою жалкую шкуру.

Я обрушил все пули на головы врагов, а затем продолжал стрелять из взятых у противника трех автоматов. В метрах 20 – 30 от меня вражеские солдаты падали, как скошенные. Какое отрадное дело увидеть такое зрелище!

Победа того дня дала нашим бойцам всеми фибрами души убедиться на практике в преимуществах самобытных методов боя, созданных великим Ким Ир Сеном.

Немногим более чем два месяца мы вели бои на рубеже уезда Янгу и г. Чхунчхона, чтобы отрезать тыл противника. Затем мы, передав этот район главным силам наших войск, в конце того же года вторглись в глубину тыла противника, прорвав его оборонительный рубеж.

Однажды вечером, к 9 часам, мы переходили через рубеж Пхёнчхан – Пукпхён. Поступило разведдонесение: вблизи от волостного центра находится большой поселок – примерно 200 – 300 дворов, в каждом доме поместились вояки марионеточной армии по 20 – 30 человек, они, смертельно усталые, спят мертвым сном. Это был 29-й полк противника, одолевший маршем 60 км от Сеула.

Командир нашего полка приказал немедленно отрезать телефонные провода, закрыть дорогу и совершить ночной налет.

В 11 часов ночи с сигнальным выстрелом комполка наши бойцы стремительно продвинулись вперед и обрушили гранаты на врагов. А тех, кто выбежал из дома, уложили автоматной очередью. В том бою я израсходовал два автоматных магазина и четыре гранаты, но у меня этого не хватало, и я бил врага трофейным автоматом и гранатами. Я, собственно, впервые так много уложил противника.

Наступил третий день после разгрома 29-го полка ма-рионеточной армии. Противник, подняв огромные воору-женные силы, — а этого мы не предвидели, — окружил нас со всех сторон. На небе кружился вражеский разведсамолет, враги по радио трубили: «Сдайся!» Наша часть попала в полное окружение. Создалась критическая ситуация, ко-торая решала бы судьбу нашей части.

В трудную минуту солдаты, как правило, смотрят в ли-цо командира. Но лицо у нашего комполка, которое мы ви-дели, было удивительно спокойным и невозмутимым. Ду-мали: действительно отличается ветеран антияпонской ре-волюции, который вместе с Полководцем Ким Ир Сеном прошел кровопролитный боевой путь. Он, комполка Ким Чхоль Ман, не дрогнув и бровью, спокойным голосом ве-лел всем готовиться к бою. Затем он созвал собрание офи-церов, на котором призвал: «Приготовиться к решительно-му бою не на жизнь, а на смерть! Если до наступления тьмы враги не бросятся, прорвем слабое звено противника и проскользнем. У нас есть опыт прорыва кольца окруже-ния япошек. Это было в 1937 году». И он рассказывал нам о непревзойденных приемах боя неуловимо действовавших антияпонских партизан. Его рассказ придавал нашим коман-дирам веру в победу.

Дело пошло так, как предполагал наш комполка. Про-тивник, образовав плотное окружение, не двинулся с места,

хотя уже темнело. Видать, враги решили уморить нас с голоду или ждать, чтобы мы замерзли и погибли от мороза.

Наша часть немедленно перешла к действиям. Комполка велел нашему штабному офицеру разведки переодеться в форму полковника марионеточной армии, а командира разведвзвода – в форму командира взвода противника, а сам пошел впереди отряда. Бойцы нашего полка, приготовившись к бою, твердой поступью, даже топча ногами, подходили к противнику, заблокировавшему дорогу.

Когда мы прошли около 300 метров, тут послышался крик «Кто это? Стой!» и звук затвора. Был критический момент. Командир полка, шагающий во главе отряда, смело и спокойно отвечал: «Это я! Это я, понял?», все ближе подходил к противнику. Поближе подойдя к нему, наш комполка вдруг строго приказал: «Всем встать!» Вслед за ним наш штабной офицер разведки, выйдя вперед, тоже грозно крикнул: «Скорее встать!» В левой и правой сторонах зарослей вставали более 30 человек противника. Не упуская этого момента, комполка приказанным тоном велел: «Скорее спуститься вниз!»

Подавленные его строгим приказом, враги с вещмешками за спиной, с оружием на плечах, лениво спускались вниз. Штабной офицер разведки, близко подойдя к ним, уточнил, нет ли там еще врагов, а затем, быстро выкинув пистолет, крикнул: «Руки вверх! А то всех перебью!» На-

смерть перепуганные, они подняли руки вверх. Мы разоружили их, узнали пароль и, выставив вперед одного пленного, без единого выстрела смогли выйти из вражеского окружения.

Я горжусь своей воинской биографией, оваянной славой побед и подвигов, – ведь я научился секретам воевать у ветерана антияпонской революции, выросшего под руководством великого Ким Ир Сена.

Ветеран войны Сон Сан Чжо

Инъекция «Мапхальсан»

На рубеже конца 1950 г. и начала 1951 г. в зоне нашего второго фронта возникали всякие заразные болезни. Американская военщина в целях умерщвления наших бойцов, населения в тылу и прорыва закрепившейся в то время линии фронта не брезгали применять даже и бактериологическое оружие, запрещенное международным правом.

Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен как никто другой глубоко заботился о здоровье наших солдат и приказал обязательно достать инъекцию с названием «Мапхальсан» для лечения инфекционных болезней. Он принял меры для срочной доставки ее бойцам второго фронта.

Мне, офицеру службы медико-санитарного имущества военно-медицинского управления, было поручено задание обеспечить перевозку медикаментов. И нам пришлось про-

ехать на машине тысячи *ли* – от Пхеньяна до Хвэнсона в тылу врага. Нас было трое: водитель, конвоир и я. Предстояло прорваться сквозь расположение противника. Вооружение у нас не ахти какое – один пистолет, одна кавалерийская винтовка и один автомат.

Я, 20-летний молодой человек, пока еще не имеющий боевого опыта, – кстати, мне довелось пустить всего несколько пистолетных пуль, – не мог представлять себе, какой трудный путь лежит во вражеском тылу. Вообще не думалось, что могу и умереть. Овладело мною только одно: чувство ответственности за важное поручение, готовность даже ценою жизни непременно выполнить приказ Верховного Главнокомандующего.

В один из последних дней января 1951 г. мы встали на путь в тыл противника. Перед отъездом работник военно-медицинского управления, передав мне запечатанную накладную, всерьез взглянул мне в лицо и спросил:

– Нет ли просьбы?

– Есть. На худший случай дайте нам гранаты и взрывчатку.

Закончив полную подготовку к отъезду, мы сели в аккуратно замаскированную машину отправиться от Пхеньяна. Проехав уезды Санвон, Ёнсан, Суан и Кимхва, мы переступили порог вражеского тыла. Тут же мне еще раз вспомнился наказ работника военмедуправления – безус-

ловно выполнить приказ. Я не забыл и то, что подчеркнул он: первое – держать в совершенном секрете дело перевозки медикаментов; второе – с максимальной скоростью доехать до места назначения; третье – не понести ущерба от ружейно-артиллерийского огня противника; четвертое – всегда быть в готовности реагировать на возможную критическую ситуацию.

Постепенно у меня начало складываться представление о вражеском тыле. Задание было ясно: нам не с вещмешками медикаментов на спине совершить скрытый поход по гребню горы, а с моторным звуком автомашины открыто проехать по тылу врага. Не исключены и неожиданные стычки с противником. Если мы втянемся в встречный бой с неприятелем, то это уже означало бы для нас самоуничтожение: личный состав у нас мал, да и вооружение не ахти какое. В тылу противника, где трудно различить своих и врагов, нам нужно было по возможности не встретиться и с врагами, и даже с нашими. Лишь так мы можем сохранять военную тайну от противника, прибегающего ко всевозможным подлым акциям в целях лишить боеспособности нашего корпуса в тылу врага, только так можем выиграть время и надежно хранить бесценные медикаменты. Какие это медикаменты? Они проникнуты любовью Верховного Главнокомандующего к нашим солдатам, от них зависит жизнь сотен, тысяч боевых друзей во вражеском тылу. Да,

их нельзя заменить и жизнью всех нас троих.

Вступая в февраль, на земле Чхунчхона нам стало еще труднее. До того нам было важно тщательно организовать воздушное наблюдение и охрану, обеспечить достаточный отдых единственного у нас водителя, а теперь дело другое – насущным стало быстрое продвижение вперед хоть на один метр больше. Ни один гребень горы, ни одно ущелье не были вне поля нашего зоркого взгляда. Появится новый гребень горы – я велел вести машину в укрытие, а я пробежал вперед, чтобы разведать ущелье. И это повторялось при каждом появлении взгорья и ущелья...

Навстречу пронизывающему ветру мне всегда приходилось бежать впереди машины. Сколько я бежал, столько и машина продвигалась вперед. Останавливаюсь – и машина стояла в ожидании. Тем более, что дороги вся и все были изрыты вражескими снарядами и бомбами. Почти все мосты были разрушены, и нам не раз приходилось находить объезд. К тому же на шоссе, более или менее проходимом, местами были хитроумно зарыты взрывчатки. По таким нелегким дорогам нам приходилось ехать день и ночь, и мы были не в силах даже открыть глаза.

От порой раздающейся ружейно-орудийной стрельбы щемило у каждого сердце. Больше нас огорчало то, что все вокруг в белом снежном покрове – нечем было укрыть и замаскировать машину. Правда, реже доставался «удач-

ный» случай – возможность маскировать машину кукурузными стеблями или ветвями обгорелых деревьев. Чтобы избежать стычек с противником, мы долгое время укрывались с машиной. В такой день мы еще настойчивее старались наверстать «упущенное» время. И темной ночью, когда ни зги не видать, мы мчались с незажженными фарами. Впереди машины я бежал, размахивая белым халатом.

День за днем шел в суровых испытаниях. И, наконец, нам удалось добраться до первого назначенного места. Но, к сожалению, там не было санчасти корпуса, действовавшего во вражеском тылу, – она переместилась на следующий запасной пункт расположения. Поздно! Понятное дело: трудный поход слишком долго задерживал нас. У оставшихся на первом пункте мы узнали о местонахождении запасного пункта и опять тронулись на далекий путь в более 40 км. Трудно мне, очевидцу суровых испытаний, избразить, какие испытания переживала наша группа. Однако в нас пульсировала невидимая сила, способная пересилить все эти трудности. Это было сознание ответственности за исполнение важного задания по перевозке медикаментов.

Наконец-то, мы на запасном пункте встретились с работниками санчасти корпуса и солдатами. Всю жизнь не могу забыть радость и волнение того дня. Взорвались среди воинов восторженные возгласы в буквальном смысле этого слова. По лицам окруживших нас бойцов

корпуса в тылу врага обильно текли струйки слез.

– Мы ждали не дождались! Не знаем, как поблагодарить вас, героев, преодолевших столь трудный, крутой путь! Просим передать наш привет товарищу Верховному Главнокомандующему! Тому, который послал нам, простым солдатам во вражеском тылу, так много медикаментов!

Мы передали работникам санчасти корпуса весь объем лекарств в полной сохранности. И тут мы, трое, как будто договорились, повалились на землю. Ведь мы целых несколько суток преодолели голод, и ни разу не смогли сомкнуть глаз. Но мы испытывали чувство облегчения – задание выполнено, сейчас мы находимся среди боевых друзей!

Ветеран войны Ан Сон Гын

Провода связи противника – для нас

С лета 1951 г. наши войска по всему фронту перешли на активную оборону при опоре на позиции. От нас, связистов, серьезно требовалось более надежно обеспечивать проводную связь в сложившейся обстановке.

День и ночь продолжались «ковровые» бомбежки и арт-обстрелы противника, превращая даже скалы в порошки. Действительно, трудно было в этой обстановке обеспечивать проводную связь между подразделениями.

В частности, высота Толбави (в переводе – «скальные

массивы») была объектом наиболее усиленного сосредоточенного огня неприятеля. Там трудно было не только передвижение личного состава. То и дело прерывались проводы связи. Но мы, связисты, ясно знали свой долг – ни на минуту, ни на секунду нельзя допускать перебой командной связи. Мы, пробиваясь сквозь завесу дыма артогня, находили разбросанные обрывки проводов и соединяли их буквально пядь за пядью. Кончаются запасные провода – порой заменяли их шомполом винтовки, и того не хватает – соединяли линию даже своим телом...

И в те дни, как раньше, для нас провода были бесценными, они были дороже собственной жизни. Будь в достатке запас проводов – нам нечего было бояться, страшиться. Мы всегда, как говорится, во сне и наяву с огорчением, жаловались: «Не хватает проводов!»

В то самое время нам передали боевой приказ Ставки ВГК – всеми силами изматывать противника. По этому приказу во всех подразделениях проводились действия для непрерывного уничтожения и истощения противника, как-то: движение групп охотников за вражескими танками, движение групп снайперов, действия групп подрывников в тылу противника.

И мы, связисты, решили внезапными налетами захватить у противника провода связи, которых нам крайне не хватало. Итак, с начала 1952 г. наш взвод в тесном взаимодействии с

разведчиками и саперами не раз в глубине вражеского стана парализовал вражескую систему командования и захватил у противника большое количество проводов связи.

Но эти трудные операции сопровождались смертельными боями. Мы заранее провели тщательную подготовку к ним. На участке от наших позиций до гребня Кхал (в переводе – меч) высоты 854,1, на высоте Чанхва (в переводе – сапоги) была проведена детальная разведка всего: местных объектов и рельефа, системы вражеской обороны и связи, мест расположения командных пунктов, состояния засады и патрулирования противника. Подготовка к действиям была безупречная. Каждый боец взвода, как бы соревнуясь, просился быть в составе штурмовых групп. Глубокой ночью наши смелые связисты отправились к вражеским позициям. Саперы помогли нам в преодолении минного поля и колючих проволочных заграждений противника. Разведчики еще раз уточнили на месте КП противника, систему проводной связи, засадные посты и др. Наши штурмовые группы одна за другой незаметно подходили к назначенным пунктам 1, 2, 3. По сигналу ручного фонарика одновременно отрезали провода связи у врага и ловкими движениями собрали их. Обмотали ими руки или, сделав из них клубки, при помощи веревок покатывали их по земле. Все благополучно вернулись к себе. Когда наши связисты добрались до наших позиций, враги, узнав в чем дело, от-

чаянно пускали осветительные снаряды.

Из трофейных проводов мы с успехом образовали двойную, тройную сеть проводной связи на участке обороны нашего полка.

Это было, когда наша часть обороняла высоту 854,1. Уже за полночь. Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен у оперативного стола в Ставке ВГК не раз вел телефонный разговор по вопросам командования боевыми операциями с комкором Рю Гён Су в передовом КП дивизии и комбатом Чо Дон Чхором на месте боя на высоте. Верховный Главнокомандующий с радостью говорил по телефону: очень приятно слышать голос комбата, защитника высоты 854,1! Молодец! Значит, 15 раз отбиты упорные атаки вражеских полчищ.

Когда передали бойцам его указания, все они во весь голос долго пели бессмертный революционный гимн — «Песню о Полководце Ким Ир Сене». Слушая его голос, звучащий на промежуточной телефонной станции, мы, связисты, тоже громко кричали «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Впоследствии наш взвод не раз получал благодарность от дивизии и корпуса.

Ветеран войны Чи Хи Як

По горному перевалу Чхор

Во время войны Сингосанская равнина и горный пере-

вал Чхор были важными путями снабжения военными материалами, в частности, высоты 1211 и восточного участка фронта вообще. И здесь особо усиливались бомбежки вражеской авиации.

В то время мы фронтовые шоферы, перевозили из Пхеньяна на фронт боеприпасы, ГСМ и прочие военные материалы. Несмотря на жестокие, варварские бомбежки, мы раз в двое суток с риском для собственной жизни преодолели названные места, чтобы выполнять полученное задание. Эта зона была важным опорным пунктом с военной точки зрения. И потому здесь и днем, и ночью появлялись вражеские стервятники, которые ночью, освещая эту местность, как днем, светящими бомбами, проводили «ковровые» бомбежки и пулеметные обстрелы, когда проходят по шоссе наши военные грузовики. Дорога от Сингосана до перевала Чхор лежит в открытой местности, простирающейся на десятки *ли* (10 *ли* – около 4 км). Здесь машинам негде было укрыться от вражеской бомбежки. Только нужно было избежать «глаз» вражеской авиации. И поэтому для нас, фронтовых водителей, этот участок был самой неблагоприятной, опасной зоной, по-военному, СО.

Хоть одна машина загорится вражеской бомбежкой или станет аварийной – тут же весь участок дороги мгновенно превращается в поле боя, где у нас решается судьба – жизнь или смерть. Если не сразу устранить беду с такой машиной,

то следующим за ней десяткам машин не миновать неисчислимыe потери от вражеских бомбежек. И поэтому, когда впереди идущая машина останавливается из-за воздушного налета или аварии, все шоферы остальных машин тут же бегут к ней и берутся за тушение пожара или устранение аварии. Местами подымалось пламя с грохотом от вражеских бомбежек и пулеметной очереди, взрывались на кузове ящики с боеприпасами. На небе – светящиеся бомбы. Вокруг светло, как днем. Спасение машин от опасности было буквально боем не на жизнь, а на смерть. Такие судьбоносные бои в одну ночь не раз повторялись на шоссе Сингосанской равнины. А если и такое самоотвержение не поможет выручить пострадавшую машину из беды, то пусть она и своя, придется толкнуть ее на канаву у шоссе, чтобы открыть проход для последующих машин. Только так можно будет спасти тянувшиеся десятки грузовики, нагруженные ГСМ и боеприпасами. Все это всегда требовало высокой самоотверженности.

Хотелось бы поговорить о Хан Хён Су, шофере, ответственном за машину №113. Он, уроженец Южной Кореи, добровольцем вступил в Народную Армию. Я был его помощником. В один из тех дней я, председатель ротной демсомольской первички, участвовал в семинарах. Значит, я не мог выполнить роль его напарника. В тот день он сказал: «Наши фронтовики с нетерпением ждут боеприпасов.

Ни на минуту нам задерживаться нельзя!» И он в одиночку, без помощника, повел машину на фронт. Грузовик №113, нагруженный боеприпасами, темной ночью мчался по открытой местности Сингосана. Там внезапно налетела вражеская авиация. Шофер Хан, водивший машину без помощника, лишь услышав резкую трескотню пулеметной очереди с воздуха, заметил, что обнаружена его машина вражеским самолетом. Кузов уже загорел. За его машиной – длинная вереница грузовиков с боеприпасами и бензином. Шофер зажег фары и с большой скоростью повел горящую машину не по фронтовому пути подвоза, а по другой, отвлеченной дорожке. Он, не боясь смерти, решил: «Пусть моя машина взорвется, но надо спасти другие десятки машин». Наблюдая только за горячей машиной №113, мчащейся с ярко зажженными фарами, вражеский самолет на малой высоте следовал за ней с пулеметной очередью. Немного проехав, машина резко остановилась – и страшный грохот с взрывом. Так он погиб смертью храбрых и спас десятки других машин из беды.

Позже мы узнали, что тот вражеский самолет, на малой высоте следовавший за горячей машиной, натолкнулся на середину горы и разбился вдребезги.

Хан Хён Су лежал мертвым, весь ожегшим в огне. Под мышкой была в полной сохранности только пустая сумочка для партбилета, которую он всегда носил в груди, чтобы

бережно хранить партдокумент после вступления в партию. Мы, называя его членом Трудовой партии Кореи, в горьких слезах прощались с ним, положив на его грудь ту заветную сумочку для партбилета...

Высвободишься из зоны СО на Сингосанской равнине – близко виднеется головокружительно высокий перевал Чхор. Благополучно проехав эту, я бы сказал, судьбоносную зону, фронтовые шоферы с восторгом победителя, начали весело петь песни, вдыхая через открытые окошки машин аромат цветов акации и чувствуя прохладу свежей лесной зелени. В те дни мы любили петь «Песню шофера» и песнь «Сингосан-тхарён».

Но не каждый раз мы наслаждались долго таким весельем. На мрачном ночном небе опять гудели самолетные моторы и черные силуэты вражеских бомбардировщиков угрожали нашим машинам. Над горным перевалом висят враз порядка 15 светящих бомб. Хоть разок сверкает стекло окна машины или мелькает табачный огонь – сразу струи бомб и трескотня пулеметной очереди. Горы и ущелья дрожали от грохота. С визгом летели бомбовые осколки, обваливались дороги с обрывами, местами взметывалось пламя. Но мы, водители, были самоотверженными. Под градом осветительных снарядов и бомб мы, полные веры в победу, с риском для собственной жизни водили замаскированные машины на фронт. Крепко взяв в руки руль, мы в

полном напряжении сил вели борьбу с вражескими стервятниками.

В первую пору, когда мы начали перевозку военных материалов на восточный участок фронта, ночной пилотаж и стрельба американской авиации были довольно примитивными. В то время над перевалом Чхор ночью летал только один вражеский самолет. Сначала он с воздуха сбрасывал 10 с лишним светящих бомб, а потом после поворота назад искал наши машины, которые находились бы под светом. Когда вражеский самолет пускал светящие бомбы, наши доблестные шоферы с использованием света, в максимальной скорости гнали машины. А когда он поворачивает нос, наши машины мгновенно спрятались в затененных местах гор. Потеряв мишени, самолет сбрасывал бомбы куда попало и стрелял из пулемета наугад, как слепой машет в воздухе посохом.

Но враги валяли дурака недолго. К осени они, изменив тактику, каждую ночь одновременно пускали по два бомбардировщика: один из них впереди пускал над перевалом Чхор светящие бомбы, а другой, цепко следуя за ним, стрелял из пулемета и бомбил все, что движется на земле.

Но наши шоферы не вдавались в обман коварного и гнусного противника. Попадут в поле освещения – в большой скорости повели машины в затененные места за поворотами дороги во избежание воздушного налета и света.

Перевал Чхор так извилист, что, говорят, там 99 поворотов. Фронтовые шоферы, умело используя рельеф горного перевала, смело действовали. Как ни неистовствовала вражеская авиация, они выручали машины из беды. Конечно, опасность не выразить простыми словами. Но они, отважные водители, не жалели своей жизни, были готовы идти на любой риск, лишь бы успешно обеспечить перевозку военных материалов на фронт.

Чтобы ехать от Пхеньяна до места близ высоты 1211 туда и обратно, требовалось двое суток. Но в темную ночь наши фронтовые шоферы и без зажженных фар за двое суток преодолели путь в 400 км, сотворив тем самым чудо. Так, Чвэ Чун Мён и его брат, образцовые шоферы роты, тщательно изучив повадки вражеской авиации, по четкому графику за одну ночь преодолели такой же далекий путь в огне, за что их машины слыли «реактивными»...

И жители поселков у дороги коммуникации героически трудились. Это было в уезде Поптон. Однажды мы, закончив ночное передвижение автотранспорта, направили машины в укрытие. Мы, войдя в какую-то крестьянскую избу, обратились к хозяйке дома с просьбой готовить для нас завтрак. А тут послышался из комнаты со стоном бессильный голос:

– Извините, мы все заболели. На кухне есть дрова, у печки – соль да соевая паста. Будьте добры, сами готовьте еду.

Вполне понятное дело: американские варвары не брезговали даже применять и бактериологическое оружие, и почти все местные жители смертельно страдали из-за инфекционных болезней. Когда мы завтракали, налетела эскадрилья вражеских самолетов и разрушила починенный накануне мост через речку Кольгэ в ущелье. В те дни противник, твердя об «операции по истреблению» и о чем-то тому подобном, пустил в ход всю авиацию, чтобы отрезать фронт от нашего тыла. Вражеские самолеты безжалостно бомбили главные магистрали, большие и малые мосты, разорвали путь коммуникации на куски. Как говорится, беда приходит не одна, нагрянули большие наводнения, неслыханные за десятки лет. Однако местные жители, невзирая на всякие трудности, силой нестигаемой воли незамедлительно восстанавливали разрушенные мосты и дороги. «Пусть враги сто раз разрушат, мы сто раз восстановим!» – такой клич излился из сердца каждого из них.

В тот день мы, увидев разрушенный мост, пошли искать другой путь – объезд. Найдя подходящую мель, на реке, мы возвращались к себе. Видим: как весело шумят люди за околицей, возвращаясь в поселок с лопатами и кирками. Тут я слышу:

– Товарищ народноармеец! Восстановлен мост. Сооружен подводный. Этакие янки с гнилыми глазками теперь ничего не сделают с этим мостом! – сказала женщина. Ба!

Кто это? К нашему удивлению, это была сноха того же дома, куда мы заходили за помощью, — та, которой из-за болезни было трудно встать даже для приготовления завтрака. Больная, прикованная к постели, тоже пошла на восстановление моста. На нашу благодарность она говорит:

— Голодать-то раз-два нам терпимо, но ни на минуту не должна остановиться эта кровная артерия — фронтовая дорога! Дорога-то эта не так уж широка, мостик этот не так уж велик. Но это, думаю, жизненная артерия. От нее зависит судьба нашего фронта, не так ли?

Она была права. Ничто не сломает волю такого народа! Прошло много десятков лет с той поры. Но и ныне будто в моих ушах звенят слова женщины, канвонки, прозвучавшие в тот день.

Ветеран войны Чха Ён Гу

«Ни одного вражеского самолета не упустить!»

В октябре 1952 г. уважаемый Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен отдал приказ: отдельному зенитному артиллерийскому дивизиону 5-й пехотной дивизии сформировать передвижную зенитную артиллерийскую группу из двух батарей с 37-миллиметровыми зенитными орудиями и одного взвода с 12,7-миллиметровыми зенитными пулеметами. Ее задание — ловко маневрируя по обширной территории с охватом зоны Пэчхон — Ёнан —

Чхондан – Хэчжу – Ончжинский полуостров, охранять важнейшие объекты и крестьянский труд по уборке осеннего урожая, конечно же, охотиться за вражескими стервятниками.

По полученному приказу мы немедленно поехали в районы боевых действий. По указаниям Верховного Главнокомандующего мы действовали так: ночью скрытно продвигались на назначенные места и немедленно заняли позиции, на которых развертывали пушки, а затем, позавтракав еще до рассвета, все бойцы батареи интенсивно проводили воздушное наблюдение в главных направлениях возможного налета вражеской авиации.

Когда появляются воздушные пираты, мы максимально приманивали их до ближайшего расстояния для первой меткой стрельбы и внезапным, сосредоточенным залповым огнем уничтожали их. Затем мы быстро переместились на другие позиции. Таким образом, мы охотились за вражескими самолетами, как говорится, «по пятам». А в районе, где соорудить артиллерийские позиции нам благоприятно, но не появляются вражеские «вороны», мы, установив ложные объекты, приманивали вражеские самолеты и истребляли их огнем из зенитных орудий поблизости.

Бои с вражескими самолетами постоянно сопровождались смертельной опасностью – ожесточенной атакой и обороной.

Однажды батарея с 37-миллиметровыми зенитными пушками заняла свои позиции на небольшой высоте в Чхондане. В ее боковой стороне течет река от водохранилища на севере в сторону острова Канхва. Над рекой переброшен мост, через который можно ехать от Ёнана в Хэчжу. Наши позиции были идеальными для уничтожения вражеских самолетов, налетающих с целью бомбардировать этот мост. В один из ноябрьских дней 1952 г. батарея, увы, два часа вела смертельный бой с десятками вражеских самолетов, которые более 6 раз налетали «волнами». В том бою было сбито немало вражеских стервятников.

По обычному опыту бой зенитной артиллерии с вражеской авиацией идет, как правило, 10 – 15 минут. А более двух часов противовоздушного боя непрерывно продолжать стрельбу – дело не из легких.

Самолеты противника, пикируя на наши позиции, сбрасывали бомбы и вели пулеметный огонь. А наши пушки, в свою очередь, не прекращали огонь по пикирующим стервятникам. Командиры и бойцы батареи самоотверженно обеспечивали непрерывную стрельбу. Хван Бён Сон, исполняющий обязанности командира батареи, три раза был зарыт в землю, а каждый раз чудом выбивался из земли и продолжал командовать боем. «Ни одного вражеского самолета не упустить!», «За погибших друзей – огонь!» – громко кричал он. Замкомбатареи по культчасти ранило в

живот, но он бегал с одной позиции на другую и кричал: «Уважаемый товарищ Верховный Главнокомандующий следит за нами!», «Уничтожим янки, отомстим за наших отцов и матерей!» Вдохновляя бойцов на ратные подвиги, он погиб смертью храбрых.

Один наводчик, получив ранение, скатился с платформы орудия. Оказавшись не в состоянии нажать на педаль, он крикнул: «У меня есть руки!» И он, руками нажимая на педаль, обеспечивал непрерывную стрельбу и погиб. И даже повар из кухни выбежал на позицию и взамен раненых бойцов переносил, заряжал снаряды, самоотверженно обеспечивая непрерывную стрельбу.

Артпозиции все изрешечены, разрыты бомбежками и пулеметными обстрелами вражеской авиации, перевернуты пушки, а запасные стволы артиллерии из-за волны полетели и падали на рисовые поля у подножия высоты. Кровавый смертельный бой кончился на закате солнца, когда на землю начали спускаться сумерки.

За выдающиеся подвиги в бою Хван Бён Сон удостоен звания Героя КНДР, все бойцы батареи получили ордена Государственного Знамени 1-й степени, ордена Солдатской Славы 1-й степени и другие высокие государственные награды. В бою мы потеряли трех дорогих боевых друзей, в том числе замкомбатареи по культчасти. Мы захоронили их на той высоте, где пролита их горячая кровь. И ныне мест-

ные жители, чхонданцы, называют ее «высотой-героем», бережно ухаживают за могилой погибших героической смертью.

Ветеран войны Ю Хён Нам

Железная нога

Вражеский танк отчаянно пододвигается, грызя зубами гусениц землю. Но вся моя душа сосредоточена только на одном – шприце. Уже я вторым шприцем переливаю свою кровь раненому связисту. Грохот танка все ближе и ближе. Но я не могу ускорить переливание крови, да и остановить его абсолютно нельзя. Бесстрашно, спокойно закончив переливание крови до последней капли, я ни с того ни с сего толкнула раненого по скату горы. В тот миг я ощутила пронизывающий холодок – осколок танкового снаряда ударил мне по правой ноге. Я потеряла сознание.

... Точно не помню, сколько времени прошло – день или два. Мне чудилось – может, я мертва или жива. Когда я пришла в себя, кровоизлияние само собой приостановлено. Смутно мелькнула мысль: «Досадно! Не могу больше увидеть товарищей! Высота 1211, значит, станет ли для меня, офицера-девушки двадцати одного года, конечной остановкой на пути жизни?! Ох! Как хочется жить!»

«Если бы хоть на минутку могла бы еще жить, я все-таки поищу стрелявшего в меня вражеского танкиста,

загоню ему в лоб пулю», — думала я. Чем сильнее жажда жизни, тем более горяча, глубока тоска по синему небу над Пхеньяном, с которым я прощалась.

Я вынула из санитарной сумки весь запас кровоостанавливающих и сердечных средств, сделала себе инъекцию. Потянула прижатую к ляжке голень и перевязала эту часть 7 свертками бинта. Подтаскивая раненную ногу, пядь за пядью ползала на спине и, наконец, когда темнело, добралась до места, где лежал связист. Тело его уже остыло. Я легла рядом с юным связистом. Как я старалась спасти его! Покрыв его тело одеялом, тщательно оправляла края. И крепко взяла окаменевшую руку бойца. Чудилось, что теплота моей руки погрееет остывшее его тело и вот-вот вернет ему жизнь. Долго всматривалась в лицо связиста, хотя не знала его фамилию и возраст. А тут словно звенят в моих ушах последние слова Сон Ён Хо, юного вестового, похороненного на берегу реки Рактон: «Товарищ взводной! Когда я смогу увидеть родную мать? Хочется ее увидеть!»

Да, сколько сыновей и дочерей Кореи, сколько будущих достойных опор для страны, к великой скорби, сложили головы от вражеских пуль! Перед моими глазами одно за другим мелькали лица боевых друзей, которых нам пришлось оставить на безымянной высоте за рекой Рактон, даже не успев похоронить их прах.

... ..

... 11 бойцов на высоте, полные решимости уничтожить врагов, непрерывно нажимали на курок. Кончились патроны. Несгибаемые храбрецы начали обрушивать на головы врагов каменные глыбы, выкопанные руками буквально до выпадения ногтей. В бою наши солдаты погибали один за другим. На высоте в живых остались трое: командир пулеметной роты с оторванной рукой, ослепший комотделения и еще 19-летний рядовой с переломленным бедром.

Я опустилась на землю – не могла нести на спине всех их, да и не могла выбрать только одного из них. «Раз не смогу выполнить свой долг, разделю с ними мою судьбу» – решила я, вынув пистолет и с гневом смотря на наступающее стадо врагов. Тут я слышу:

– Ты цела, невредима, товарищ фельдшер. Гибнуть вместе с нами – бесполезно для родной партии. Любой ценой спасти этих товарищей, поняла?

Они предлагали друг другу эвакуироваться и, наконец, выбор остановился на самом молодом, 19-летнем парне. Двое передали рядовому флаг Республики, пропитанный алой кровью.

– Водрузи, дружок, этот флаг на острове Чечжу!

Я со слезами спускалась с высоты. «Груз» немал: два ранца, санитарная сумка, две винтовки и один пистолет на боку. И на спине – раненый солдат с необычайно крупным

туловищем. Мое крошечное тело со стороны не было видно под большим «грузом». Но я, стиснув зубы, делала шаг за шагом. При каждом моем движении шатались над землей раненные ноги солдата. Горная тропинка становилась более крутой. Я, сосредоточивая все силы на дрожащих обеих ногах, стала идти, порой прыгая, как лошадь. И на четвереньках, и ползком я с раненым одолела путь в десятки *ли*, пробиваясь сквозь вражеский кордон.

Наконец, я, неся на спине раненого, сумела переступить зону расположения наших войск и тут же упала. Когда очнулась, вижу: трясет меня за плечи старшая медсестра Ким Гён Ок – та, которая вступила в армию со мной в один и тот же день:

– Кого я вижу! Жива ли я, Гён Ок милая?

Я пружиной вскочила с места: ведь не в праве спокойно лежать здесь!

– Знаешь, я должна идти к ним. Их надо нести на спине, пока я умею ходить!

Выскочила было из палаты медпункта, тут за плечи взяла меня медсестра.

– Они, говорят, сами подорвали себя – погибли.

... ..

На меня, думалось, словно устремляются зрачки глаз погибших бойцов – тех, которые без малейших колебаний зарыли свое счастье, свою надежду молодости в землю на

безымянной высоте за рекой Рактон. Меня, бродящую на пороге смерти, окрылил клич из сердца: «Пока ты дышишь – бей больше хоть бы на одного врага!»

Жажда. Пить хотелось. Четыре суток не могла пить ни глотка воды. Во сне грезилось столь много родников, а когда прихожу в себя – перед мною валяются на земле кучи гильз.

Враги – вблизи, мои боевые друзья – вдалеке. Пока я дышать умею, должна исполнить свой долг. Должна рассказывать товарищам о смерти молодого связиста. Ведь я раньше совершила славный ратный подвиг: при стычке с четырьмя солдатами недобитых американских войск я сама уничтожила одного штыком, двух сразила пулями, остального взяла живьем, заставила его тащиться десять *ли* даже с носилками на плечах до нашего командования.

... Я, всунув в кобуру пистолет наготове, опять стала ползать в сторону севера. Давно кончилась оставшаяся горсть пшеницы. На высоте 1211, охваченной горячим дымом огня, не осталось даже ни одной съедобной травинки. Шел шестой день. К счастью, меня, лежащую без сознания, обнаружили и окружили наши разведчики, уходящие по боевому приказу в тыл противника.

– Это фельдшер 3-го полка! Та, которая, говорят, погибла! – крикнул кто-то из них, который вынул у меня из-за пазухи партбилет и посмотрел его. Весь полк знал меня – ту, которая в одиночку вылечила 184 раненых и отправила их здоровыми на высоту 1211.

Бойцы, взявшие с собой меня от разведчиков, день и ночь без устали бежали и бежали в наш госпиталь. Порой, когда они опускали на землю меня, лежащую на сколоченных наспех носилках, я отчаянно ворочалась от усиливающейся острой боли. Физические мучения мои они принимали за свои собственные.

... Вскоре я могла ходить, конечно же, на костылях, начала лечить больных одной палаты госпиталя.

Позже мне довелось встретиться Чвэ Хёном, ветераном антияпонской революции, который, молча поглядывая на мой протез ноги, сказал:

– Как это так! Может ли быть такой твоя железная нога?! Сволочи какие янки!

С такой же ногой я встретила день Победы. Провожая боевых друзей на военный парад Победы, я душой испытывала восторг победителя. Сознание ответственности за жизнь своих соратников, дух самоотверженного служения им были, я бы сказала, парой «столбов», подпиравшей мои ноги как железные. Чувство это придало моим слабым ногам железную силу.

Ветеранка войны Ли Хын Рён

Удачная контратака

Я, участник боя за оборону высоты 1211, во время Отечественной освободительной войны с июля 1951 г. служил

командиром 2-го взвода пулеметной роты 3-го батальона 23-го полка 13-й пехотной дивизии 2-го корпуса. Задание моего взвода – в составе 8-й роты занять огневые позиции на вершине высоты 1211 и уничтожить противника, атакующего в направлении Безымянной высоты и по ее гребням. Бойцы подразделения были полны решимости выполнить боевой приказ уважаемого Верховного Главнокомандующего – не отдать врагу ни пяди земли! И мы укрепили позиции, поставили на переднем рубеже высоты заграждения и, конечно же, заминировали.

Прошло несколько дней, но противник не собирался атаковать. Лишь обрушивал с воздуха бомбы, яростно усиливал стрельбу из орудий разных калибров.

Однажды, задыхаясь, прибежал ко мне связной взвода, который только что спустился с горы за водой родника на восточный склон высоты 1211. Он докладывает: «У блиндажа командира 9-й роты – враги! Они орут: «Сдайся, выйди с поднятыми руками!» Совершенно неожиданная ситуация.

Мы с ним побежали в ту сторону. Ба! Перед блиндажом копошились десятки вражеских солдат, которые кричали в сторону нашей позиции: «Сдайся!»

Я немедленно доложил комроты о ситуации. Тот, жалуюсь на неслаженность связи с батальоном, решительно приказал: «Два станковых пулемета разместить так, чтобы

стрелять вниз на гребень горы в сторону 9-й роты. Открывать массированный огонь. Одному стрелковому взводу внезапно атаковать на противника».

По его приказу я разместил два станковых пулемета на определенном расстоянии друг от друга. Пулеметы внезапно вели перекрестный огонь. Вместе с тем стрелковый взвод перешел в контратаку. Враги, до того яростно горлалившие, с испугу начали показывать пятки. Они, насмерть перепуганные, отарой побежали, куда глаза глядят, в сторону нашего минного поля. Тут то и дело разнеслись оглушительные взрывы, потрясающие ущелье.

В этот момент минометная батарея из-за рубежа нашей позиции начала яростную огневую поддержку, преграждая путь отступающему противнику. Так вражеский внезапный налет противника провалился нашей удачной контратакой. Бой превратил неблагоприятную для нас обстановку в благоприятную.

В бою того дня я глубоко осознал, насколько важны решение командира и организация боя, основанные на точной оценке неожиданной боевой ситуации и собственной инициативе. Наши успехи в бою немалы: захвачены 71 винтовка разных видов, 3 ручных пулемета, большое количество боеприпасов и гранат, взято в плен 5 вражеских солдат.

Этот бой, предшествовавший активной обороне высоты

1211, укрепил нашу веру в победу и уверенность, что мы вполне сможем отбить любые атаки американских агрессоров и марионеточных войск Южной Кореи.

Ветеран войны Сим Гю Вон

Боевая позиция для разведчиков

Пехота имеет, как правило, свою позицию. Однако такой нет у разведчиков, которые ловко пересекают вражеский тыл, как говорится, вдоль и поперек для выполнения боевых заданий. И потому для них самым безопасным тылом является передний рубеж нашей пехоты, где идет жаркий бой.

В августе 1950 г. я вступил в армию и прошел процесс обучение новобранцев в Н-ском полку. Когда полк числился к 15-й пехотной дивизии 3-го корпуса, я был бойцом разведроты непосредственного подчинения дивизии.

Осенью 1951 г. произошла частичная передислокация сил противника, находящегося перед нашей дивизией. Разведроте было дано задание – узнавать о подробностях передвижения противника.

Комроты решил: взять живьем вражеского офицера – наиболее эффективно. Он взял с собой 10 с лишним разведчиков и тронулся в путь. Среди них был и я, 19-летний командир отделения.

Мы вдоль реки Соян шли вниз в сторону низовья. В окрестностях Ринчже мы выбрали благоприятное место для захвата «языка». В одной стороне дороги течет река, в другой высится скальный утес. Засада в обеих сторонах дороги помогла бы нам без труда поймать противника и в случае, когда он, как говорится, «давай бог ноги».

Сразу мы обрушили край утеса и положили каменные глыбы на середину дороги. Затем разделились на две группы для засады. Немного погодя доносился откуда-то по ночному воздуху какой-то звук вроде моторного. Вскоре вдруг остановился один джип перед каменными заграждениями на шоссе. Не упустив этого момента, мы окружили машину.

– Руки вверх! Сопровотяляешься – стрелять буду! – резко проговорил по-английски мой друг, игравший, скажем, роль переводчика.

Враги, совсем растерянные, сразу подняли руки. И сопротивляться вообще они не думали. На джипе двое – водитель и американский офицер. Оба ростом на аршин выше меня. Разоруженный офицер, жалостливо вынув из кармана пиджака довольно потрепанную какую-то бумажку, повторял одно и то же непонятное слово. Вижу – на бумажке написано по-корейски: «Готов делать любое дело, если оставить меня в живых». По-видимому, он бережно хранил у себя этот «талисман» на всякий случай, когда он будет взят

в плен народноармейцами. Трус какой! Для спасения своей жалкой шкуры готов не брезговать ничем. Я с всплеском гнева не мог сдерживать насмешки – вишь, какой трус этот мерзавец, который до того хвастался американским офицерством! Мы на американском джипе помчались до самой линии фронта и, взяв с собой пленного, перешли через фронт.

И после этого я десятки раз действовал во вражеском тылу, чтобы ловить «языка». Все взятые нами в плен оказались такими жалкими трусами: приставлю дуло – тут же опешат от страха, окаменеют не в силах даже поднять руки.

И ныне я часто погружаюсь в думы: почему янки даже на своих укрепленных позициях всегда дрожали от страха, тогда как мы даже и в глубоком тылу противника могли свободно действовать, как говорится, расправив свои крылья? Это, может, потому, что янки наемники, проданные за деньги.

Мы все-таки уперлись на свою землю – будь то зона наших войск, будь то вражеский тыл, – эта земля называется по достоинству нашей родной. А они, янки, хоть на своих укреплениях, все же находились на иной, чужой земле.

И потому мы, разведчики, хотя не имели свои определенные позиции, но в любом месте чувствовали себя спокойными, как у себя дома, на своих позициях.

Ветеран войны Ким Дык

Внимание вражеской авиации привлечь ко мне!

В те дни войны мы, присоединившись к снова наступающим нашим войскам, успешно закончили уличный бой в уезде Танчхон. После этого я, замкомвзвода Южнохамгёнского провинциального охранного батальона охранного управления МВД, назначен начальником одной из групп охотников за вражескими самолетами, вновь организованных по оперативному замыслу великого Ким Ир Сена.

Моей группе было поручено задание: надежно охранять важный мост в селе Чхо уезда Пукчхон от налета вражеской авиации. Перед первой стычкой с вражескими стервятниками я еще раз тщательно проверил состояние оружия 13 бойцов группы. На их вооружении – 10 винтовок, 2 ручных пулемета и 1 станковый.

Мы вместе с бойцами в засаде у моста, зорко следя за небом, с нетерпением ждали появления вражеских самолетов. На рассвете, к пяти часам, мы видим, как проходит через мост крестьянин с телегой из деревни. А тут, откуда возьмись, появился вражеский самолет и отчаянно обрушил на телегу пулеметный огонь. В мгновение ока убит крестьянин, бессильно упал возле дороги крупный рогатый скот. Мы не могли сдерживать гнев. Американские стервятники для реванша за позорное поражение на наземном фронте, варварски убивали мирных жителей, даже и этого

крестьянина на дороге. У меня руки, крепче взявшие оружие, дрожали от хлынувшего гнева.

Я, начальник группы, был и расчетом станкового пулемета. Стрелял в сторону своевольно низколетающего самолета противника, но не мог стрелять точно в цель. Дело в том, что враги, трусливые и робкие, не хотели попасть в зону нашего огня. Наши стрелки, не находившие эффективные пути меткой стрельбы, просто напрасно тратили патроны. «На фронте, на высоте, – думал я про себя, – четки зоны боя с врагами. Там в зависимости от ситуации можно и атаковать, и обороняться. А что касается вражеских самолетов, дело другое. Им поставить заслон надо везде – и на суше, и на море, и в воздухе. Определенного времени для нашей атаки не бывает. Спрятаться только на хорошо замаскированных позициях, и сложа руки ждать появления вражеских самолетов все равно что ждать у моря погоды – никогда не уничтожишь их. Надо приманивать их на нашу сторону. Внимание вражеской авиации привлечь ко мне!»

Значит, первое наше боевое крещение отнюдь не было бесполезным. Оно не наводило на нас страх, а, наоборот, дало нам возможность найти ключ к победе в бою, вселило в каждого из нас бодрость, отвагу, готовность даже хотя бы в одиночку биться со свирепым вражеским стервятником.

Мы соорудили ложные объекты, чтобы приманить вра-

жеские самолеты. Принесли заваленные телеграфные столбы или бревна, а затем окрасили их в черные тона, чтобы они сверху показались зенитными орудиями. Их поставили недалеко от наших позиций для привлечения к ним внимания противника. Вражеские летчики, введенные в заблуждение, несомненно налетят на эти объекты, думали мы. Не упустив момент, будем прицельно стрелять вверх в стервятников.

В следующий день мы, полные уверенности в победе и дерзания, заняли прежние огневые позиции недалеко от моста, где произошел первый противовоздушный бой. Мы решили приманить вражескую авиацию ложными зенитными пушками и автомашинами.

Когда вокруг воцарилась тишина, откуда-то доносился неуловимый звук двигателя самолета, который постепенно становился громче. Вижу: на небосклоне черные пятна – эскадрилья вражеских штурмовиков.

Я решил в первую очередь сбить головной из трех штурмовиков. Вражеские летчики, насколько я знаю, наемники, трусливые, боящиеся смерти. Так что сбьешь головной самолет – остальные несомненно впадут в замешательство, думал я.

Мы стреляли в упор в пропеллер головного штурмовика, пикирующего ближе к ложному объекту. Тот потерял равновесие и метался в воздухе. Весь личный состав нашей

группы вел сосредоточенный огонь по нему – и фюзеляж стервятника стал пускать черный дым и через минуту упал, вколов нос в окрестное рисовое поле. Остальные «вороны», впавшие в панику, стали искать шанс на спасение. Мы в четком ритме взаимодействия продолжали яростный огонь. В бою того дня мы сбили два самолета противника.

Из сбитых самолетов мы сняли четыре пулемета. Кстати, в нашей группе был токарь, который до войны трудился на Рёнсонском машиностроительном заводе. С этими пулеметами он поехал к рабочим родного завода. Он вернулся с пулеметами, преобразованными в зенитные. Мы решили поставить на деревянное колесо зенитные пулеметы, чтобы, вращаясь, могли стрелять.

Позже мы получили задание – охранять район Ривона от воздушного налета противника. Мы соорудили на возвышенности, откуда хорошо виднеется железнодорожный туннель, огневую позицию, чтобы вести подвижной огонь.

Однажды неожиданно появились на небе 6 вражеских самолетов, которые цепко следовали за хвостом мчащегося нашего поезда, входящего в туннель. Когда почти весь состав поезда вошел в туннель, первый самолет противника пикировал, сбрасывая бомбы. Провалился замысел противника. Затем вражеские самолеты бомбили и обстреливали вход туннеля. Из туннеля пока выливался белый дым паровоза, внутри него неугомонно раздавался гудок. Нас,

смотрящих на опять атакующие самолеты, ни на минуту не покинула мысль: «Надо скорее уничтожить вражеские самолеты. Это поможет паровозу безопасно мчаться на фронт».

Я опрометью взял на прицел самолет, пикирующий в сторону входа туннеля, нажал на гашетку станкового пулемета. Окутанный мощным пламенем стервятник упал в море. А тут другая эскадрилья с бешеной яростью кружилась над туннелем, чтобы обнаружить наши огневые позиции. На этот раз многие вражеские самолеты, изменив свою тактику, начали массированный налет. Мы тоже не остались в долгу – быстро переместились на другую позицию и продолжили противовоздушный огонь. Сбит еще один самолет.

Вот такими смелыми действиями бойцы нашей группы, творцы ратного подвига, за 10 дней сбили три вражеских самолета. В те дни я сбил 6 вражеских самолетов, получил за боевые подвиги звание Героя КНДР.

Движение групп охотников за вражескими самолетами, начатое по дальновидной инициативе великого Ким Ир Сена и получившее широкое развитие во весь период войны, ознаменовало собой яркое воплощение его самобытной военной мысли и выдающегося военного искусства. Оно рождено массовым героизмом и беззаветной самоотверженностью наших народноармейцев, которые были готовы, как гово-

рится, идти в огонь и в воду, если это требуется для выполнения приказа вождя.

Ветеран войны Ли Ён Чже

Орудийный грохот на горе Кари

Во время войны я был комвзводом во 2-м полке при 1-й пехотной дивизии КНА. Однажды я получил от замкомполка по артчасти приказ – вместе с взводом, вооруженным 120-миллиметровыми минометами, выйти на рубеж горы Кари, которую обороняют наши пехотинцы.

В ущелье горы противник намеревался начать очередную атаку. Здесь словно рой мух столпились солдаты недобитого неприятеля.

Задание нашего взвода – незаметно выйти на этот рубеж и массированным минометным огнем сорвать замысел противника.

Я подробно рассказал бойцам о нашем боевом задании.

– Как вы знаете, ребята, товарищ Верховный Главнокомандующий наметил самобытную военную мысль. О том, чтобы оперативно вести артиллерийские действия применительно к условиям горной местности. За нашими плечами – богатый боевой опыт в этом деле. Запомните: победа части в предстоящем бою зависит от нас. Что ни случить, успешно выполнить боевое задание!

Нас, минометчиков, ждал далекий ночной поход. И

полк объявил нам отдыхать до сумерек. После достаточного отдыха мы тронулись в путь...

Прибежал ко мне солдат из головного дозора. Доложил: впереди, в мерах около 500, большое число вражеских пехотинцев. Солдаты приблизительно двух рот неприятеля стояли на биваках на боковой стороне ущелья. Я остановил отряд и раскрыл карту. До назначенного места еще далеко. Часы показали 3 часа ночи. Я думал: «Дальше идти по ущелью нельзя. А что мне делать?» Я оглянулся на бойцов. На лунном свете сверкали минометные стволы, опорные плиты и двуноги-лафеты. Но больше ярче блестели глаза минометчиков. Те, которые увлажнялись при упоминании о тяжелой жизни прошлого, пропитанной горькими, кровавыми слезами. Те, которые горели огнем ненависти при виде врагов. Они, казалось мне, ждали моего приказа. Отряд взобрался на гору по лесной тропинке. Но ни на минуту не сбавилось скорости похода. Ноги подмывали давно опавшие листья. Стволы и лафеты минометов то и дело задевали за ветви деревьев. Мы без усталости ускорили поход.

— Твою опорную плиту положи мне на плечи, — сказал пожилой минометчик, поддерживая споткнувшегося молодого солдата. — Поход-то, знаешь, труднее, чем бой. И не даром говорят: «Победа боя начинается с шага солдата». Набирайся смелости! Представь: что будет, если мы неожиданно с подножия горы Кари обрушим огонь на головы врагов?!

Наконец, в десятках шагов впереди показывает свой силуэт горный гребень. Несомненно это, думал я, гора Кари. Вокруг тихо. Думалось: «Эту тишину нарушит скоро грохот. Это станет торжественной увертюрой военной музыки. Той, которая укрепит у наших бойцов веру в победу, нанесет врагам позорное фиаско!»

Я приказал шагающему рядом со мной замкомвзвода:

– Ускорить поход! Передай приказ всему отряду!

Отряд словно был на крыльях. А тут остановил бойцов аж угрожающий оклик.

– Ни с места! Руки вверх!

Взвод окаменел на месте. У каждого в голове мелькнула разная мысль: «Это противник или наши?»

Все бойцы взвода моментально разошлись, скрылись за деревьями, за скалами, приготовились к бою.

– Не стреляй! – коротко приказав бойцам, я обратился к встреченному: «Скажи, кто ты?» Последовал более мягкий голос:

– Может, это орлы-минометчики из Янгу?

– Ты прав! – я неторопливо встал с места. Подошел ко мне солдат, одетый в плащ-накидку.

– Было задание привести вас, товарищ взводной, – козырнул солдат перед мною...

Я отдал приказ выстроившимся бойцам:

– 1-му и 2-му отделениям соорудить огневые позиции и

укрытия! 3-му – собрать минометы!

Лязг лопат, стук металла... Я вместе с встреченными четырьмя солдатами поднялся на высоту. Наше прибытие обрадовало командиров, всех пехотинцев на высоте, необычайно подняло их боевой дух. Я через стереотрубу внимательно наблюдаю за врагом. Перед взором – ущелье как на ладони, там кишмя кишат вражеские пехотинцы, валяются местами огневые и транспортные средства.

6 часов утра. Разрезала предрассветный воздух моя команда:

«Внимание! Шрапнельными снарядами по вражеской пехоте огонь!»

Минометы одновременно открыли огонь по противнику. В миг позиции неприятеля превратились в адово пекло. Узнав, что неожиданно прилетают минометные снаряды из-за горы Кари, в пожарном порядке налетели вражеские самолеты. Но противник не мог обнаружить моментально скрывшиеся в укрытиях минометы и их расчетов.

С окончанием минометного огня на высоте раздалось громкое «Ура!» – наша пехота перешла в атаку.

В том бою наши артиллеристы уложили, ранили сотни вражеских солдат, разрушили большое количество машин и другой боевой техники, внесли большой вклад в срыв неприятельского замысла на рубеже горы Кари.

Ветеран войны Ким Дон Сан

«Радиоснаряды»

Во время минувшей Отечественной освободительной войны я работала в военчасти диктором радио, и у меня было не так уж много случаев со стрельбой идти в наступательный бой. Но я и ныне очень горжусь, что в те дни много посылала на вражеские позиции, как говорится, «радиоснарядов».

В сентябре 1952 г., в период 4-го этапа войны, мне, диктору радио на восточном участке фронта, довелось участвовать в штурме высоты 854,1. Эта высота находилась на месте важнейшего тактического значения. На северо-востоке от нее – высота 351, на юго-западе – высота 1211, рядом – дорога, ведущая в Косон. Противник, готовясь к очередной атаке позиций наших войск, больше года соорудил на высоте прочную позицию из железной арматуры и цемента, называя ее «неприступной крепостью».

Ночью 21 сентября наши бойцы сначала атаковали и одним махом взяли находящуюся правее названной высоты 854,1 высоту 811,7. Впавшие в панику враги обратили свое внимание на этот участок. В ответ на подобные военные действия противника наше подразделение готовило штурм высоты 854,1.

Мне был тогда 21 год. Я, можно сказать, была девушкой в цветущую пору. Я твердо уверена, что мы непременно по-

бедим. Наши бойцы заняли позицию для атаки высоты 854,1 с фронтальной и фланговых сторон.

В то время на вершине горы, соседствующей с этой высотой, мы установили громкоговоритель. От него я протянула микрофонные провода до самого исходного рубежа для атаки и вместе с другими бойцами ждала приказа.

Мы, дикторы, вели радиовещание в адрес противника обычно на рассвете. И некоторые командиры, заботясь о нашем здоровье, разрешали ранним вечером ложиться спать. Но мы не следовали их советам, ибо, по нашему мнению, после сна голос сипнет.

И я перед штурмовым боем, быстро поужинав, взялась за тщательную подготовку к фронтовому радиовещанию. Перед началом боя я, крепко взяв в руки микрофон, дала себе клятву: обрушить на неприятеля шквал «радиоснарядов».

В 1 час 22-го числа отдан приказ: «В атаку!» Гремело «Ура!» – наши бойцы ринулись к высоте. Мой громкий голос из микрофона потрясал все ущелье.

– Солдаты и офицеры «армии национальной обороны»! Высота ваша окружена. Сопротивляться бессмысленно. Сдайся! Ваша жизнь будет гарантирована. Вы – пушечное мясо для янки! Не обрежь себя на грязную собачью смерть!

На высоте шла жаркая перестрелка между народноармейцами и врагами. Мощный звук из нашего громкоговорителя, подавляя все трескотни, раздавался эхом на горе.

Доблестные наши народноармейцы за короткое время взяли вражескую позицию, и на вершине высоты развевался сине-красный триколор со звездой – флаг нашей Республики. В бою комотделения Син Ги Чхор и рядовой Пак Вон Чжин закрыли своей грудью амбразуры вражеского дзота и открыли отряду путь к наступлению. Боевые успехи были немалые: уничтожено, ранено, взято в плен более 2400 вражеских солдат, захвачено и выведено из строя 5 танков, большое количество оружия и боевой техники. Слушая восторженные возгласы наших бойцов, я всем сердцем ощутила в себе гордость девушки-солдата, взявшей в руки микрофон.

И после этого я на своем посту высоты непрерывно посылала на вражеские позиции «радиоснаряды». Через микрофон мы убедительно рассказывали о достойной жизни людей северной части страны, разоблачали реакционность и гнилость янки и верхушки марионеточной армии. Послушав наше радио, почти ежедневно переходили вражеские солдаты на нашу сторону. На беседе с ними я снова всеми фибрами души осознала важность долга диктора. Они говорили: «Слушаем ваше радио – хочется перейти на сторону Народной Армии. Офицерье каждый день навязывает солдатам рушить народноармейскую радиостанцию. Обещает за это большие деньги». Слушая их, я глубоко поняла: микрофон у нас – оружие, наводящее на противни-

ка страх и тревогу, это рупор правоты, образумливающий солдат марионеточной армии, обманутых вражеской пропагандой.

Наше справедливое, волнующее фронтовое радиовещание стало сокрушительным шквалом огня на голову противника, все больше дезорганизовало вражеский стан. И в тот день, когда империалисты США пали на колени перед корейским народом, на нашу сторону перешла одна рота марионеточной армии, расставшись с проклятой жизнью наемных войск.

С той поры отделяет нас много лет. В послевоенные годы мне довелось служить в разных должностях, но и ныне я свято храню в душе гордость, что моя вечная служебная должность – фронтовой диктор.

Ветеранка войны Сон Ам Чжон

Мои фронтовые музыкальные инструменты

Каждый вечер на перевале Чиктон проходили развлекательные мероприятия роты, которые начинались и заканчивались песенным марафоном. Днем бьют противника, а вечером вдохновенно поют о гордости победителя и, естественно, с каждым днем нарастал душевный подъем наших бойцов. Но нам хотелось бы иметь музыкальные инструменты. А в роте, к сожалению, не было даже и простой губной гармонии.

Откуда взять музыкальные инструменты? Неоткуда. Только самому изготавливать их своими силами. Я, ни о чем не обдумываясь, пошел к командирам роты и высказал свое мнение.

В то время у меня, честное слово, не было никакого опыта изготовления музыкального инструмента. Не было и из ряда вон выходящего столярного мастерства. Единственное «достояние» в роте – большая пила, большой топор. Но меня не покидала мысль: «Была не была! Попробую!» В детстве, когда я жил в Пусане, попробовал как-нибудь обращаться с мандолиной, принесенной моим старшим братом. А потом, когда я учился в трудных условиях, зарабатывая себе деньги на обучение, мне довелось кое-как ознакомиться с разными видами струнных инструментов. И у меня было какое-то представление об их внешнем виде. Это был весь багаж моих знаний.

Мой почин встречен всеобщей поддержкой роты. Моя душа сосредоточилась на желании изготовить музыкальные инструменты. Ничто на высоте не оказалось вне поля моего внимания.

Однажды мне в глаза попала гильза 45-миллиметрового противотанкового снаряда. Беру его и прикидываю в уме. Сверкнула мысль: «Вот она! Из него можно сделать корпус *хэгым*!» Это корейский смычковый музыкальный инструмент в форме дуги лука со струнами. Я, взяв ее, пошел на

ружейную мастерскую полка и разрезал ее на определенный размер. Затем достал ломаный шомпол винтовки. Раскалил его на огне. Положил раскаленный железный прут на большой камень кальцита и ударом камня сделал из него карманный ножик длиной в 10 см. А затем точил его на бруске. Отрезал ветку орехового дерева и сделал из нее шейку *хэгом*, а завиток – из ясеня. Отверстия проделал накалившимся железным прутиком. Смычковую трость сделал тоже из ясеня. Пучок конских волос достал у ездового. Сосновую смолу, наносимую на конские волосы, я скреб с сосновой коры, кипятил ее на огне. После процеживания остудил ее в холодной воде для затвердения в комок. Великолепно – комар носу не подточит!

Теперь проблема – со струнами. Откуда взять их? После долгого раздумья напал на мысль: использовать отрезки старых телефонных проводов для четырех струн, как на скрипке. Затем я разок водил по ним смычок, замазанный сосновой смолой. Извлекся звук! Удалось! Но звук, к сожалению, был не очень сильным. Понятное дело: дека и душка небольшие. Ничего не поделаешь!

Я попробовал играть на нем, как на скрипке, прикоснувшись к плечу. К моему удивлению, можно было исполнять не так уж сложные мелодии, такие, как «Ариран», «Янсандо», «Нодыльганбён» и т. д.

Моя игра на увеселительном вечере, конечно, вызвала

бурную овацию аплодисментов у боевых друзей.

Хэгым, сделанный при помощи топора и самодельного ножа, на вид показался грубым и невзрачным, но для нас он был довольно великолепным музыкальным инструментом.

– Ба! Что ты, дружок, сделал на пепелище?! Музыкальный инструмент! Ты просто сотворил чудо! – первым увидев мой *хэгым*, политзамкомполка просто был вне себя от радости.

Вскоре мое «изобретение» положено на стол комдива. Ким Ир, ветеран антияпонской революции, послушав народную песню, исполняемую на нем, сразу поднял радостный крик.

Через несколько дней ко мне пришли три столяра. Предприняты активные меры по массовому изготовлению этих, я бы сказал, «фронтовых музыкальных инструментов». Появилась кузница, подготовлен набор необходимых инструментов и приспособлений. Заваленные бомбежками деревья распилили на определенную длину и просушили.

Наша задача – изготавливать три вида струнных инструментов: мандолину, скрипку и гитару. Но в моей памяти остались только их внешние формы. У меня не было знания по их размерам и конструкции.

Возникла еще одна проблема – связующее вещество. Об этом советовались солдаты. Найден выход: кипятить в во-

де кору с минтая – получишь проклейку. По разным каналам достали это сырье – и получился действительно эффективный клей. Но таким путем нельзя было удовлетворить большой спрос на клей.

Пробовали варить все, что попадало в руки. Однажды случайно нашлась говяжья шкура, зарытая в землю у обочины дороги. Мы долго варили ее после тщательной промывки. Боже мой! По нашему удивлению, получилось отличное связующее средство. Так прошло 45 дней кропотливого труда. Дух опираться на собственные силы, в конце концов, принес нам 3 скрипки, 3 мандолины и 3 гитары.

Настроение у нас поднялось высоко. Получив информацию о нашем творчестве, политзамкомполка немедленно организовал «фронтовую музыкальную труппу». В полк прибыли из батальонов 15 строго отобранных талантливых солдат-певцов и младших командиров. С того дня я в окопах перевала Чиктон начал обучать наших «музыкантов», как играть на инструментах. Дней 20 тренировались и, наконец, «музыканты» умели подражать профессионалам, конечно же, не очень. К составу струнных присоединились ударные и духовые инструменты – большие, малые барабаны, литавры и дудки. «Программа концерта» обогащалась целым рядом других номеров – хором, вокальным ансамблем, сольным пением и декламацией стихов.

Итак, наша «фронтальная музыкальная труппа», рожден-

ная в 17-ом полке гвардейской 2-й пехотной дивизии им. Кан Гона, выступала на гастролях во всех батальонах.

Если мы сообщим какому-то батальону о наших гастролях, тут же батальон устроил в лесу импровизированную «театральную арену» и ждал нашего приезда. Когда начинается наш «концерт», сотни пар любопытных глаз устремились к нам. Каждое выступление наших самостоятельных артистов вызывало бурную овацию громких аплодисментов среди зрителей. Программа была не больше 30-минутная, но отзвуки, оставленные нашей «фронтальной музыкальной труппой», долго оставались в памяти каждого фронтовика.

Позже наш фронтальной музыкальный коллектив шагнул дальше – выйдя за пределы полка, в дивизию и корпус.

В последней половине 1952 г. наша воинская часть переместилась с перевала Чиктон в Вонсан. Начался поход. Мы, «музыканты», шли за дозором отряда – гремели барабаны, слышались приятные звуки корейской флейты *пхири*. Музыка приподняла дух бойцов в походе. Когда отряду придется преодолеть высокий перевал или взгорье, мы, раньше всех поднявшись на вершину горы, исполняли музыку еще громче. Наши солдаты в один голос говорили: «Любой крутой перевал нам не помеха. Не чувствуется никакой усталости, никакой боли в ногах». Слышать такие отзывы было для нас наибольшей радостью, гордостью за свое дело и счастьем.

Наша часть приступила к выполнению боевого задания по береговой охране района Вонсана. В те дни наша труппа смогла еще раз обновить свой облик. Большой силой для нас было, конечно, активное содействие политотдела корпуса. Плюс к этому – художественная бригада, приехавшая из Пхеньяна. Ее вступления и искренняя поддержка помогли нам сделать более крупный шаг вперед. В то время знаменитый скрипач Пэк Го Сан своей виртуозной игрой полностью овладел сердцами наших бойцов. Учил нас петь песню «Две тысячи *ли* реки Амнок» солист О Мэ Хун. Не было конца моей радости, что мы снова встретились в Вонсане с артистами Ансамбля песни и танца Корейской Народной Армии, которых увидели раньше на перевале Чиктон. На концерте мы впервые услышали довольно впечатляющие песни. В их числе – песня «В решительный бой», побудившая бойцов сторицею отомстить врагу за погибших боевых друзей, «Песня шофера», придавшая перевалу Чиктон новый смысл эмоций и веселья, и «Песня бойца береговой артиллерии», «Песня разведчика» и так далее.

В тот день в окопах, где то и дело свистели вражеские пули и снаряды, Пэк Го Сан сам попробовал играть на моей самодельной скрипке. Он окрылил меня вдохновляющими словами: «Очень хорошие звуки извлекаются!», и подробно рассказывал мне, на что надо обратить внимание при изготовлении скрипки.

В 1953 г. нашей «фронтовой музыкальной труппе» выпала честь поехать на художественный фестиваль военнослужащих Народной Армии.

Попозже на нашу долю опять выпала большая честь выступать в представлениях в честь Победы в присутствии Ким Ир Сена, который инициировал провести Общереспубликанский слет героев КНДР. Когда кончился концерт, все мы, участники выступлений, одновременно выбежали на театральную сцену. Мы все и участники слета во весь голос пели бессмертный революционный гимн «Песня о Полководце Ким Ир Сене». По лицам у всех текли струйки слез – слез от благодарности Верховному Главнокомандующему.

Ветеран войны Квон Ён Мок

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ – ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ

Редакция: Ким Чун Хёк, Ким Гван Су

Перевели: Ко Ён Хва, У Чон Хван

Издательство литературы на иностранных языках
Выпущена в июне 107 года чучхе (2018).

E-mail: flph@star-co.net.kp

[http: //www.korean-books.com.kp](http://www.korean-books.com.kp)

КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
107 ЧУЧХЕ (2018)

